ВАЛЕРИЯ ЧЕРНОВАНОВА

Мой (не)любимый дракон

Колдовские миры

Валерия Чернованова

Мой (не)любимый дракон

«Автор»
2018

Чернованова В. М.

Мой (не)любимый дракон / В. М. Чернованова — «Автор», 2018 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-098291-2

Попасть в другой мир? Легко! Обручиться с драконом? Проще простого! Стать участницей отбора невест? Казалось бы, ну что тут сложного… Вернуться домой? И даже это возможно. Но только лишь при одном условии. Нет, спасать мир меня, к счастью, никто не обязывал. А вот выручить одну трусливую княжну придется. И всего-то для этого нужно стать правительницей Сумеречной империи и влюбить в себя ледяного дракона, который, говорят, любить не способен. Но главное, держать собственное сердце на замке и не забывать, что порой и льдом можно обжечься.

ISBN 978-5-04-098291-2

© Чернованова В. М., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 26
Глава 6 31
Глава 7 36
Глава 8 40
Глава 9 46
Глава 10 52
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Валерия Чернованова
Мой (не) любимый дракон
Книга 1

Глава 1

Женщинам из рода Королевых не везет в браке. Это аксиома. По крайней мере, для моей матери, уже шесть раз отметившейся в ЗАГСе. И вот она снова разведена и одинока. И это явно наследственное. Потому как моя бабушка тоже частенько бегала замуж, и всякий раз неудачно. Якобы все дело в моей пра-пра… и еще много раз «пра» бабке, которую черт угораздил сходить налево. Ее благоверный, узнав об адюльтере, недолго думая, помчался жаловаться своей сестре. Ведьме и по призванию, и по профессии. Которая прокляла нас… ладно бы до седьмого колена. Но эта канитель с неудачными замужествами тянется уже бог знает с каких времен.

Украдкой взглянула на Лешку, внимательно слушающего напутствия священника. Нет, на мне это дурацкое проклятие однозначно споткнется! Я от любимого ни на шаг. И он от меня тоже.

Друзья, шутя, называют нас сиамскими близнецами. Потому как за последние семь лет дольше, чем на неделю, мы не разлучались. Не могу себе представить жизнь без него. Без такого родного и привычного. Мы вместе со школы, и, глядя на точеный профиль благоверного, вырисовывающийся в полумраке храма, я была уверена, что ничто не сможет этого изменить.

Держа в руках зажженные свечи, символ чего-то там, за благовонным дымом, что источала золоченая кадильница священника, мы проследовали к центру храма. Остановились перед аналоем, на котором, белея страницами, лежало раскрытое Евангелие.

Сколько себя помню, я была атеисткой. Или безбожницей, как любила укоризненно повторять бабушка. Никогда не верила, не верю и ни за что не поверю во всю эту магическую белиберду. Просто маме и бабуле попадались не те мужчины. Но уж мне-то точно попался тот! Самый-самый, единственный и неповторимый!

Всю сознательную жизнь я внушала себе, что нет и не было никакого проклятия. И тем не менее, когда Лешик сделал мне предложение, поначалу засомневалась: а стоит ли наступать на те же грабли, что больно огрели моих прародительниц. Перечеркнуть семь счастливых, идеальных лет. Без ссор, ревности и обид. Может, любителям сцен и битья посуды такие отношения покажутся слишком пресными. Для меня же – самое то.

Ход мыслей, настырно роящихся в голове, нарушило негромкое покашливание священника. Еще бы тут не закашляться, когда вся церковь в угарном тумане. Или это у меня уже от волнения галлюцинации? От усталости, потому как из-за предсвадебного мандража уснуть удалось только под утро.

– Аня?

Леша легонько сжал мою руку, и только тут я поняла, что от меня ждут ответа.

Встрепенувшись, ляпнула растерянно:

– Что, простите?

Позади раздался пока еще легкий ропот немногочисленных гостей.

Священник терпеливо повторил:

– Имеешь ли ты искреннее и непринужденное желание и твердое намерение быть женою Алексея?

Леша смотрел на меня, ожидая, когда произнесу заветные слова. Все ждали. От чада кружилась голова.

Я с силой сжала в руке свечку, рискуя ее сломать. Настырная дымка перед глазами никак не желала рассеиваться. Зажмурилась зачем-то. Вот будет дело, если свалюсь в обморок… А все к тому и идет. С каждой секундой головокружение только усиливалось. Надо бы, что ли, для начала ответить.

Облизнув пересохшие губы, сказала твердо и громко, чтобы услышали все и ни у кого не возникло мысли, что я засомневалась:

– Имею, честный отче.

Три коротеньких слова показались мне оглушительными, острыми иглами вонзились в виски, разбились на множество отголосков-осколков, зазвучавших в глубинах храма, вихрем закруживших вокруг меня.

– О, Претемная Праматерь, она согласна! – возопила толпа.

Меня обдало ледяным ветром и, кажется (нет, я точно брежу), сильный хлесткий порыв бросил в лицо пригоршню снега.

– Согла-а-асна! – надрывался в радостном исступлении кто-то совсем близко.

Так, стоп! А откуда в церкви взялась толпа? Приглашены ведь были только самые близкие родственники и лучшие друзья, Дашка и Толик, удостоившиеся чести стать нашими свидетелями. И почему, черт побери, так холодно?! У меня сейчас зубы, ударяясь друг от друга, раскрошатся!

Сделав над собой усилие, открыла глаза. Вовремя, чтобы увидеть какого-то сухонького старичка в темном с серебряными нашивками балахоне и услышать его скрипучий голос:

– Фьярра-Мадерика Сольвер, княжна Лунной долины, теперь ты невеста его великолепия пред Праматерью и пред всей Сумеречной империей!

– Велико… что?

То самое «велико» смотрело на меня стальными глазами с вытянутыми в нитку зрачками. Гигантская такая драконья (твою ж претемную мать!) морда размером с бунгало скалилась в счастливой улыбке. А может, просто раззявила пасть, намереваясь меня сожрать. Меня, замершую на краю… Сделав несмелый шажок в сторону, осторожно глянула вниз.

Низа не увидела. Одну лишь туманную панораму, что открывалась с вершины скалы, на которой я каким-то непостижимым образом очутилась. Не успела как следует впечатлиться и прочувствовать всю степень охватившего меня ужаса, как эта клыкастая тварь лениво дернула крылом… крылищем. И…

Я полетела ближе знакомиться с панорамой.

Отвести душу с помощью крика, увы, не получилось. Легкие обжег стылый воздух. Колючие снежинки забивались в рот, слепили глаза. Все, на что меня хватило – это на жалкий хрип и нечленораздельное мычание.

А потом я приземлилась… Благо не на землю и, что самое приятное, не всмятку, а на то самое чертово крылище, оказавшееся на удивление мягким и немного пружинистым, словно батут.

Я подпрыгнула на нем, как гуттаперчевый мячик, и покатилась куда-то вниз. Сквозь сероватую дымку, затянувшую окружавшую меня нереальную реальность, различила белоснежные шипы-выросты, наподобие короны венчавшие голову дракона, цепочкой рассыпающиеся по мощной шее. Лишь чудом успела за один ухватиться, иначе так бы и каталась по драконьей туше или снова полетела вниз. Последнего мое бедное сердце, истерично таранившее грудную клетку, уже бы точно не выдержало.

Не знаю, сколько длился этот безумный полет. Схватившись обеими руками за скользкий холодный вырост (ощущение такое, будто сжимаю гигантских размеров сосульку), я кое-как подтянулась, но грациозно оседлать чудовище не удалось. Эх, не выйдет из меня драконьей наездницы. Так и летела, лежа пластом поперек его широкой спины, успешно изображая труп. Слыша, как оголодавшим зверем в ушах воет ветер, как морозные узоры расписывают кожу.

Я даже несколько раз моргнула на всякий случай. Готова была поклясться, что на покрытом мурашками предплечье еще мгновение назад серебрился какой-то завиток.

Проклятье! Да когда же закончится этот обморок!

Обморок не кончался. А щипать себя в надежде очнуться и при этом держаться за драконий отросток не получалось. Спасибо, хоть виражи прекратились.

Когда вдалеке показались серые башни замка, своими острыми шпилями пронзавшие то ли закатное, то ли рассветное небо, мой чешуйчатый транспорт начал, сбавляя скорость, снижаться. А вместе с ним и сердце постепенно возвращалось к привычному ритму. Я вспомнила, как дышать, и, когда под нами дрогнула земля, разжала одеревеневшие пальцы.

Чтобы скатиться с драконьего крыла под громкие рукоплескания и радостные вопли:

– Ура-а-а!!!

Интересно, успею посмотреть, как эти оглашенные начнут подбрасывать в воздух чепчики, или мое сознание раньше вернет меня в церковь?

Наверное, сознанию было любопытно, что же произойдет дальше, потому что безумный сон продолжался.

– Обручились! Блодейна, ты слышишь?! Они обручились!

Не знаю, слышит ли Блодейна, но лично я сейчас оглохну. Если этот ненормальный не перестанет орать мне в ухо и при этом, словно марионетку за ниточку, дергать за руку в попытке оторвать мой зад от земли. Ему, заду, между прочим, сидеть в заиндевевшей траве было вполне комфортно. Коленки до сих пор тряслись, хоть этого и не было видно под длинной юбкой. Не уверена, что в ближайшее время смогу ходить. Разве что ползать на четвереньках.

Представила картину: невеста его великолепия уползает от своего грозного избранника в ближайшие кусты (или куда получится) на глазах у ошеломленной публики.

– Фьярра, ну что же ты? Поднимайся скорей, – потребовал мужичок с ноготок, что продолжал с завидным упрямством тянуть меня за руку.

Низкорослый, пузатый, в темно-красном, подбитом мехом плаще – на фоне белоснежного зверя он напоминал нахохлившегося индюка. Или божью коровку. Мы все были букашками по сравнению со сталеглазым монстром.

– Фьярра, прекрати веселить челядь, – наклонившись ко мне, прошипел мужик в мехах. – На тебя же все смотрят! Не позорь меня, своего отца!

Я упрямо помотала головой. Не знаю, что тогда на меня нашло. Наверное, таким образом выражала немой протест против творящегося вокруг безобразия. Челядь, замки, драконы… Дурдом, одним словом.

Словно прочитав мои мысли, чудовище выразительно фыркнуло. От ледяных потоков воздуха, вырвавшихся из драконьих ноздрей, замковые стены подернулись морозными узорами, а я – инеем.

Сразу подумалось, что с протестами можно и повременить. Тоненько пискнув, подскочила и трусливо юркнула за спину ворчащего господина. Пусть на него, отморозок, фыркает. Пришлось, правда, пригнуться, чтобы спрятаться за коренастым типом. Я, в отличие от него, лилипуткой не была.

Перестав фыркать, дракон принялся скалиться, демонстрируя благодарным зрителям два ряда острых клыков, чем-то напомнивших мне колья, на которые небезызвестный Влад Цепеш, прообраз стокеровского Дракулы, любил насаживать своих врагов. Да и всех остальных, кто подворачивался ему под руку.

Зажмурилась, мечтая превратиться в снежинку и улететь отсюда как можно дальше или вообще раствориться в воздухе. Пространство наполнил низкий, утробный рык, от которого земля и что-то у меня в желудке завибрировало.

Вот непонятно, на мне решили жениться или запугать меня до смерти? Еще немного, и я из светло-русой превращусь в пепельную блондинку.

Пока у меня подкашивались от страха коленки и зубы выбивали барабанную дробь, мой новоиспеченный отец, в данный момент исполнявший роль ширмы, храбро шагнул вперед. Я за сбежавшей «ширмой» не последовала, благоразумно осталась стоять в сторонке.

Низко поклонившись, мужчина ответил на драконье рычание велеречивой речью:

– Ваше великолепие, не беспокойтесь. Доставим к вам невесту в лучшем виде.

Снова рык, но уже, кажется, не такой грозный. Скорее, выражающий не то раздражение, не то недовольство.

– Конечно, конечно, как скажете. Невеста прибудет в Хрустальный город к концу лунного месяца.

Странный диалог продолжался. Дракон уже не рычал, а так, снисходительно пофыркивал, обдавая меня, все еще находящуюся к нему в опасной близости, колючим морозцем, отчего я чувствовала себя свежезамороженным бройлером.

В моменты стресса я сначала впадаю в ступор, потом становлюсь до неприличия наглой. Иногда буйной. После чего, если меня вовремя не успокоить, могу упасть в обморок. Такая вот странная у моего организма реакция на внешние раздражители.

Первая фаза успешно миновала, и я, забив на присутствие вельможного жениха, нагло полезла к папеньке с целью экспроприировать у него плащ. Несправедливо! Любимая дочь в легком платьице тут от холода коченеет, а он, весь такой в мехах, уже черт знает сколько времени языком чешет! И закругляться в ближайшие минуты, похоже, не собирается.

– Фьярра, – кашлянул псевдоотец, скосив на меня недобрый взгляд, – ты что это вытворяешь?

Как – что? Пытаюсь восстановить справедливость и заполучить папенькину дубленку.

Занемевшие пальцы не слушались, мне никак не удавалось справиться с ажурной золотой застежкой-брошью, инкрустированной рдяного цвета камнем. Именно она удерживала плащ на шкафообразном туловище этого жмота.

Не знаю, умеют ли драконы закатывать глаза, но этот точно умел. А уж фыркать недовольно, с явным оттенком пренебрежения, и вовсе был мастер.

И снова, каким-то образом умудрившись расшифровать драконий фырк, мой якобы родитель принялся лебезить:

– Уверяю вас, ваше великолепие, моя дочь воспитана в лучших традициях Сумеречной империи. Ее манеры безупречны. Просто девочка переволновалась немного. Обручиться с наследником престола – большая честь для нее и для всего нашего рода. Вот она и нервничает. Но, смею вас заверить, Фьярра-Мадерика Сольвер – истинная эсселин.

Пф-ф…

Это уже мы с драконом вместе. Я – потому что не считала себя никакой «эсселин», что бы это ни значило. У его чешуйчатого великолепия, похоже, тоже появились насчет статуса и воспитания невесты некоторые сомнения.

– Да, да, мы помним, что в Ледяной Лог прибудет немало других достойных дев, чтобы побороться за ваше сердце, – скорбно возвестил родитель, а у меня чуть челюсть не отвисла.

Это что же получается? Мало того что «без меня меня женили», то есть пока что, к счастью, только записали в избранницы этого ледяного кошмара, так теперь еще и выясняется, что имеются и другие претендентки на драконий престол? Не знаю, что бы сказала на это Фьярра, воспитанная в лучших традициях Сумеречной империи, но у меня на языке вертелись исключительно нецензурные выражения.

Общение продолжалось:

– Гр-р-р… Фр-р-р…

И снова родитель кланяется, упражняясь в челобитии.

– Моя дочь дала согласие. Она в полной мере осознает, на какой риск идет и ни за что не поставит под удар честь рода. Чего бы ей это ни стоило.

Минуточку… А чего это мне может стоить? Они сейчас о чем вообще?

Мне наконец-то дали теплую одежду. Одна из девушек, что на протяжении всего папенькиного разговора с четырехлапым засранцем, бессовестно скинувшим меня в пропасть, кучковалась вместе с остальной прислугой, робко приблизилась и накинула мне на плечи меховую пелерину. Долгожданное тепло начало растекаться по заледеневшему телу, но расслабиться я так и не сумела. Фраза про риск больно ударила по натянутым нервам, заставила меня еще больше напрячься и заволноваться.

Дракон издал очередной властный рык, наверное, отдавал последние распоряжения. После чего ударил по земле крылищами, подняв вокруг себя маленький снежный вихрь, и взмыл в раскрашенное розовыми, лимонными и фиолетовыми мазками небо.

А я вдруг почувствовала, что к концу подходит вторая фаза стресса, и за ней неумолимо следует третья. Небесные краски смешались в невообразимую палитру, отчего в глазах противно зарябило. Зажмурилась и поняла, что падаю.

Последней мыслью, прежде чем попрощалась с реальностью, была надежда оказаться с Лешей в церкви.

Глава 2

– Милый, ты не поверишь, – лепетала я, силясь разомкнуть отяжелевшие, точно налитые свинцом веки. – Мне только что такая чушь привиделась…

С горем пополам все-таки открыла глаза, чтобы уже в следующую секунду снова зажмуриться, страдальчески застонав. Не придумав ничего лучшего, на всякий случай постучалась затылком о пышно взбитые подушки. Авось голова прочистится. Она у меня явно засорена.

Не прочистилась.

Мое сознание так и не вернулось в церковь. Лежало вместе с телом на кровати под винного цвета балдахином, сквозь который едва просачивался приглушенный свет уходящего дня. А может, зарождающегося. Черт его разберет.

Тяжко вздохнула. Какой-то долгоиграющий обморок, ей-богу.

– Ваша утонченность уже проснулись?

Полог дрогнул и скользнул в сторону, явив моему мутному взору улыбающуюся девицу. Симпатичную, светловолосую, с личиком в форме сердечка – острый подбородок и высокий лоб, чуть прикрытый оборкой чепца.

Скажите, пожалуйста, чем им не угодили обычные «светлости» и «сиятельства»? Великолепие. Утонченность. Интересно, а как величают моего самопровозглашенного отца? Его скупердяйство? Не хотел, жмот, поделиться с дочерью «телогрейкой»…

Я по-прежнему отказывалась верить в реальность происходящего и решила, что, пока не приду в себя, буду все списывать на глюки. Временное помутнение рассудка. Главное, чтобы не переросло в хроническое. Не хотелось бы провести медовый месяц в психушке.

– Пора купаться, – тем временем заливалась соловьем девушка, по-видимому, моя воображаемая служанка. – Ваш батюшка, эррол Сольвер… – Потупилась, после чего робко продолжила, словно опасалась, что я сейчас разозлюсь. Но разве можно злиться на глюк? – Нет, не торопил, конечно. Просто просил не задерживаться. Для обряда уже все готово.

Что еще за обряд? Да сколько же можно!

Я едва не застонала.

– Что, и драконы будут?

На гору не пойду! С меня вполне хватило одной встречи с этим клыкастым безобразием.

– Нет, что вы! Его великолепие вместе со свитой уже давно улетели. – После чего торжественно провозгласила, чуть не напугав меня до икоты: – Этой ночью все жрецы Лунной долины будут молиться за вас Претемной Праматери и насыщать ваши чресла магической силой.

– В… в каком смысле насыщать? – опешила я. Судорожно сглотнула.

– Молитвами, – успокоила меня мисс улыбка. От сердца сразу отлегло. – Молитвами и ритуальными песнопениями. Чтобы, если все же станете императрицей – а лично я в этом ничуточки не сомневаюсь, – сумели подарить нашему правителю много-много наследников.

Ни насыщаться магической силой, ни дарить кому бы то ни было каких-то там наследников в мои планы точно не входило. Можно было послать девицу подальше, задернуть балдахин и попытаться отключиться. Сосредоточиться на Леше, на своей (нормальной!) жизни, на маме с бабушкой. На маленькой, но такой уютной квартирке. На коте по кличке Кот, в конце концов. Мы его прошлой зимой на улице подобрали, да так и оставили с нами жить.

Можно было бы, да только что-то подсказывало, что не пройдет и минуты, как сюда явится возмущенный моим неподобающим поведением псевдоотец, и все равно потащит меня на «отпевание» к жрецам.

Я, конечно, могу упереться, закатить истерику. Да что толку? Только еще больше расписихуюсь. А может, все это – обвела взглядом стены в переливающихся золотом гобеленах и нехитрую мебель – результат продолжительного стресса?

Сначала нервничала из-за защиты диплома. Потом не находила себе места в предсвадебных хлопотах. Еще и мама последние дни не переставала капать на нервы и зудеть о семейном проклятии. Я в него, конечно, не верила и не верю, но ее постоянное ворчание о том, что мне совсем не обязательно сочетаться законным браком, жутко бесило.

Вот, добесилась. До чертиков, глюков и всего остального.

Наверное, будет лучше сейчас расслабиться, успокоиться и… Нет, получать удовольствие вряд ли получится. Но хотя бы постараюсь больше не кипятиться. Да и бояться мне здесь нечего. Фантазии – они ведь безобидные. Вдруг, успокоившись, сразу вернусь домой.

А посему, настроившись на благодушный лад, покладисто согласилась:

– Купаться так купаться.

– Тогда, ваша утонченность, прошу за мной, – расцвела в улыбке девушка. Присев в реверансе, поставила передо мной туфельки с загнутыми к верху, как у Маленького Мука, носками, и, шурша темными юбками, направилась к выходу из спальни.

Сунув ноги в странные тапочки, я поплелась за служанкой. Благо идти пришлось недалеко – в смежную с опочивальней комнату, оказавшуюся купальней. Окинув взглядом просторное помещение, не сдержавшись, тихонько присвистнула. В бархатной тьме, напитанной ароматами благовоний, перламутром поблескивал огромный бассейн. Выложенный жемчужного цвета мозаикой, наполненный благоухающей водой с плавающими в ней лепестками, он притягивал не только взор, но и мое многострадальное тело, которое еще помнило и лютый мороз, и колючий ветер.

Сейчас единственное, чего я желала – это окунуться в ароматную горячую воду. И пусть, как говорится, весь мир подождет. Перед омовением заскочила в ближайший туалет примитивной конструкции – банальная дырка в полу. Порадовало, что хотя бы без запахов. Это уже потом узнала, что чистоту в санузлах поддерживали с помощью бытовых заклинаний.

Заклинаний, Карл!

Потребность подкрепиться, о которой настойчиво напоминал желудок, начала удовлетворять, не отходя от кассы, прямо в бассейне. Мабли – так звали созданную моей больной фантазией служанку – запалила свечи, отчего вода в бассейне окрасилась золотом, а бархатистые лепестки на ее поверхности стали напоминать алые языки пламени. Девушка принесла целое блюдо с неопознанными объектами, то бишь фруктами. И бокал, до краев наполненный янтарной жидкостью, на вкус очень смахивающей на десертное вино.

Оно тут же ударило в голову и повысило градус настроения.

Поставив полупустой бокал на бортик бассейна, я потянулась к фруктовому изобилию. Сначала схомячила верхушку из плода продолговатой формы. Он оказался сочным и сладким, оставил вязкое послевкусие. Второй – по виду напоминавший морковку, только почему-то зеленую – мне не понравился. Слишком горчил.

Осушив бокал, я блаженно зажмурилась и с головой погрузилась в душистую воду. Пока кайфовала в бассейне, Мабли суетилась рядом. Все перебирала стоявшие на столике склянки, расписанные серебряными узорами. Потом притащила полотенце и замерла перед ступеньками, что вели в бассейн, терпеливо ожидая, когда ее утонченности надоест быть русалкой.

Не желая показаться капризной, я нырнула под цветочный покров в последний раз, потом хорошенько отжала волосы, которые отчего-то показались мне более длинными, да и цвет в неровном пламени свечей был каким-то другим. И тело, запоздало заметила, было как будто не моим.

С нарастающим волнением спросила:

– Мабли, а где тут у нас зеркало?

Девушка как-то странно на меня посмотрела. Наверное, забеспокоилась, не страдаю ли я амнезией. То именем ее интересовалась, теперь вот оглядываюсь по сторонам в поисках какой-нибудь отражающей поверхности…

Вода для самолюбования не очень-то подходила.

– В вашей опочивальне, моя эсселин.

Опять загадочная «эсселин». Знать бы, что означает это слово. Но, боюсь, если продолжу проявлять любопытство, моя вымышленная камеристка окончательно растеряется. И так у нее уже вид бестолковый.

От того, чтобы намастить тело благовониями, я наотрез отказалась. Поспешила обратно в спальню, а встав перед напольным зеркалом, застыла с открытым ртом.

Это была я… И в то же время совсем другая девушка.

Стройная, как по мне, даже чересчур. Я так выглядела, когда перед выпускным две недели на одной гречке сидела. Чтобы талия в бальном платье была непременно пятьдесят восемь и ни миллиметром больше. У меня тогда тоже были такие вот блестящие выразительные глаза. Потому что на них слезы наворачивались, стоило увидеть, как кто-нибудь из одноклассников поглощает шоколадный батончик или бутерброд с колбасой. И на бледных щеках полыхал такой же чахоточный румянец. Что тут сказать, не умела я в юности пользоваться румянами.

Но ведь девушка в отражении не была накрашенной. Тогда откуда эти коралловые, будто припухшие от поцелуев, губы? Этот взгляд с поволокой. Чуть угловатая девичья фигура. Я ведь уже давно не девица!

Про волосы вообще молчу. У меня таких длинных отродясь не было. Даже мокрыми они казались очень светлыми, с золотистым отливом.

От русокосой Ани, последние месяцы накачивавшей мышцы в спортзале, не осталось и следа. Как и от самих мышц. Кожа да кости. И томный взгляд почти прозрачных голубых глаз.

Сейчас я напоминала себе этакую хрупкую нимфу. Казалось, стоит меня коснуться, и рассыплюсь.

– Выйди! – громкий приказ сотряс стены.

В зеркале отразилась статная дама в длинном платье и нелепом головном уборе в виде конуса с вуалькой на конце. Кажется, такой убор пользовался популярностью у женщин в дремучем средневековье. Назывался «эннен» или как-то так. В нем часто изображают мультяшных фей. Вот только дама, замершая на пороге спальни и хищно ее оглядывавшая, совсем не походила на добрую крестную фею из сказки про Золушку.

– Но ее утонченность еще даже не оделась, – заикнулась было Мабли, бледнея. – А время уже позднее…

– Я помогу ей одеться. Ступай, – мрачно бросила женщина, и молоденькая служанка, словно пугливая пташка, оставив мое воздушное одеяние на кровати, выпорхнула из комнаты.

Сложно объяснить, что испытала при появлении незнакомки. Неприязнь? Страх? Наверное, и то, и другое.

Дама окинула меня тяжелым взглядом, усмехнулась:

– Ну здравствуй, пришелица.

– И вам не хворать, – ляпнула растерянно и тут же послала вдогонку приветствию: – Постойте! Вы знаете, что я не Фьярра?!

С кислой рожей мадам приблизилась ко мне и продолжила меня изучать.

Мелькнула мысль изобразить реверанс или книксен, настолько властно, я бы даже сказала, по-хозяйски осматривала меня женщина. Словно презренную рабыню. Или, как вариант, неодушевленный предмет. Типа ночного горшка, который бы надлежало почистить.

Согласна, не слишком поэтичное сравнение, но я вдруг и правда почувствовала себя чем-то подобным, когда мадам, недовольно хмыкнув, тронула меня за подбородок, заставляя при-

поднять голову, и заглянула мне в глаза. Еще больше скривилась, словно я только что не в благоухающем розами бассейне нежилась, а принимала грязевые ванны в ближайшем свинарнике.

– А скоро и все остальные узнают. У тебя отвратительные манеры! Язык хуже помела. Невеста его великолепия должна отличаться воспитанностью и кротостью. Застенчиво улыбаться и, робко потупив взор, отвечать, только когда ее о чем-то спрашивают. – Тонкие блеклые губы растянулись в усмешке, откровенно зловещей. – Ну ничего, до отъезда в Ледяной Лог еще есть время. Думаю, я сумею все исправить.

Я мотнула головой, чтобы меня наконец перестали трогать. Эта новая галлюцинация мне определенно не нравилась. Но как от нее избавиться, впрочем, как и от всех предыдущих – я не представляла.

– Вынуждена вас разочаровать: я не цирковая лошадь и не поддаюсь дрессировке. Заведите себе собачку и оттачивайте на ней свои умения.

– Я же говорю – черноротая, – хмыкнула дама в колпаке звездочета. – Его великолепию такие не по душе. Разве что для постельных утех, да и то лишь на пару ночей. Тебя же прочат в императрицы. А потому веди себя подобающе!

Госпожа сварливость была далеко не красавицей. А когда вот так брезгливо морщилась (а морщилась и кривилась она постоянно; наверное, оттого и морщин уйма, вокруг серых невыразительных глаз и в уголках слишком большого, как у мартышки, рта), ее внешность становилась и вовсе отталкивающей.

– Надевай белье. Я помогу зашнуровать платье, – махнула рукой в сторону кровати, на которой белела льняная сорочка и что-то вроде мужских подштанников, только обильно украшенных кружевами.

Назвать эту экзотику бельем язык не поворачивался.

– А если не надену? – бросила с вызовом.

Не то чтобы мне нравилось стоять перед стервой обмотанной полотенцем, но мысль исполнять любое ее приказание претила моей гордости.

– Хочешь к нему вернуться?

Очередной небрежный взмах руки, и пространство передо мной разверзлось. Я опешила. Пусть затянутая дымкой тумана картина и не была ясной, тем не менее я видела зал ресторана, в котором должны были отмечать нашу свадьбу. Видела Лешу, танцующего со своей молодой женой. С настоящей мной. Он крепко прижимал меня к себе и что-то с улыбкой нашептывал на ухо. Мне хорошо было знакомо это его заговорщицкое выражение. Наверное, предлагал сбежать из ресторана. От захмелевших родни и гостей, чтобы скорее оказаться дома и до самого рассвета упиваться друг другом и нашим счастьем.

Наша первая ночь в качестве мужа и жены. А я застряла непонятно где.

Перевела на чертову «фею» растерянный взгляд:

– Но если я здесь, то кто тогда она?

– Моя воспитанница, Фьярра-Мадерика Сольвер. Будущая императрица Сумеречной империи.

С моим Лешиком обжимается? Будущая покойница – вот кто она!

– Моя девочка должна будет править. И все благодаря тебе.

– А не пошли бы вы на…

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Исчез и Леша. Его вырвали из моей жизни, безжалостно, по прихоти этой чокнутой. Я вдруг отчетливо поняла, что все не понарошку. Что это не сон и не кошмар, а самая что ни на есть реальность. Кошмарная реальность, в которой я оказалась. Ох, не стоило нам с Лешей венчаться. Лучше бы маму слушала и даже не помышляла о замужестве.

– Твое благополучие в твоих руках, Анна Королева. А также благополучие и жизнь твоего мужа. Ты ведь не желаешь ему смерти? – подступая ближе и заставляя меня в ужасе отшат-

нуться, прошипела гадюка. – Или еще хуже – проклятия и превращения Алексея в безумца? А я могу. Я много чего могу. И сделаю все ради счастья своей кровиночки.

Глава 3

От угроз ведьмы я оцепенела. Они обрушились на меня, словно град в разгар лета, застали врасплох. Казалось, язык прилип к небу, не получалось проронить даже слово.

А когда снова прорезался голос, до боли сжала кулаки и выкрикнула:

– Верни меня обратно! Слышишь?! Сейчас же верни!

Рванулась было к мегере и… снова остолбенела. Только теперь в прямом смысле слова. Замерла эдакой фривольной статуей «девушка с полотенцем» и только и могла, что прожигать дыру во лбу стервы ненавидящим взглядом.

Увы, безуспешно.

– Нет у меня времени на твои истерики, девочка. – Дама не спеша обошла меня по кругу. За ней, словно хвост рептилии, стелился шлейф серого с жемчужным отливом платья. – Обратно ты вернешься только в одном случае – если достойно пройдешь отбор и выйдешь замуж за наследника Сумеречного престола.

– А если нет? – Мой голос дрожал, мысли путались. Скакали в голове, как взбесившиеся кузнечики. – Там же у него невест до фига и больше. С чего вы… ты взяла, что он выберет именно меня?

– Ну, во-первых, не до фига, – не растерялась ведьма, – а всего девять. Ты девятая. Пока. А должна стать первой. Первой и единственной. А потому кончай голосить и слушай меня. Я тебе помогу. И буду помогать на протяжении всего отбора.

– Но почему я?!

Может, когда снова смогу управлять собственным телом, попробовать придушить ее полотенцем? Авось и чары спадут.

Чары… Зажмурившись, до боли закусила губу. Вот попала так попала.

– Наши миры связаны, Аня. Соприкасаются незримыми гранями. Есть и другие миры, с которыми граничит Адальфива. Но только на Земле я нашла Фьярриного двойника. Тебя. В других моя девочка либо еще не родилась, либо уже давно умерла.

– То есть… эм-м-м… обмен душ возможен только между двойниками?

Заметив, что я немного притихла, заинтересовавшись ее словами, женщина удовлетворенно кивнула:

– Именно.

Это что же получается, возможно, где-то в этом мире живет копия моего Лешика?

Словно прочитав мои мысли, ведьма покачала головой:

– Шанс встретиться с двойником твоего мужа есть, но он ничтожно мал. Да и не о том тебе следует думать. Сейчас необходимо сосредоточиться на одном – на Скальде Герхильде.

– Это который дракон? – буркнула и поежилась.

Адреналин постепенно стихал, не горячил больше кровь, как раньше, и я почувствовала, покрываюсь мурашками, словно дикобраз колючками. Даже затопленный камин не согревал.

– Ну так что, согласна?

– А если скажу нет?

– Если муж тебе дорог, не скажешь, – усмехнулась карга в колпаке. – Хочешь узнать, куда попала?

Кивнула, а в следующее мгновение ощутила, что больше ничто меня не удерживает. Рванулась к такому манящему пламени. Подставила мелко дрожащие ладони к мечущимся в камине огненным языкам, с жадностью облизывавшим почерневший камень. Постепенно тело расслабилось. А мозг, наоборот, включился и стал перерабатывать полученную информацию.

Итак, если отбросить эмоции, что имеем в сухом остатке? Я в другом мире с неудобоваримым названием Ада-чего-то-там, в теле молоденькой княжны, сосватанной дракону. Зашибись просто.

Где-то глубоко внутри еще теплилась надежда, что все же сплю или, на худой конец, брежу, но с каждой секундой она таяла, как мороженое в вафельном стаканчике, позабытое на солнце. А на смену ей приходила уверенность: я попаданка. Причем попала по всем фронтам. В чужое (ну почти чужое) тело, которое в самом недалеком будущем транспортируют к дракону. И как бы сильно я его ни боялась, мне кровь из носа нужно выйти за него замуж, иначе может пострадать Леша.

Существовал вариант, что меня банально запугивают. Но проверять, так это или нет, рискуя жизнью мужа, не хотелось.

– Ну так что, Фьярра? – вырвал меня из мира мрачных раздумий голос колдуньи.

– Я не…

– Теперь ты Фьярра. О другом имени забудь. Для тебя его больше не существует.

Так и хотелось, оттопырив средний палец, изобразить неприличный жест. Не знаю, как сдержалась. Наверное, просто было лень отнимать руки от ласкающего кожу пламени. Да и поймет ли эта средневековая…

– Ну так мне говорить?

Кивнула. Пусть говорит. А я буду слушать и запоминать. Присматриваться к окружающим. В конце концов, эта до сих пор не представившаяся тетка наверняка не единственная на все село, то бишь мир, ведьма. Найдутся и другие маги. Должны найтись. Вдруг кто-нибудь из них мне посочувствует и по доброте душевной захочет помочь. Да и вообще, что-то подсказывало: переселение душ в Ада-бла-бла-бла незаконно. Уже не говорю про подставу с невестой и околпачивание вельможного жениха.

Интересно, как отреагирует этот Скальде Гры… Гре… (каюсь, мне всегда было сложно запоминать заковыристые имена и названия), дракон, в общем, узнав, что в отборе принимает участие фальшивая Фьярра?

Но пока буду молчать. Пока не узнаю, с кем можно дружить и откровенничать, а от кого лучше держаться подальше.

Молчать и слушать. Слушать и запоминать…

* * *

Занимался рассвет. Робкие лучи зарождающегося дня постепенно проникали в комнату. Стелились по каменному, покрытому мехами полу, по стенам в гобеленах, по широкому ложу. На нем безмятежно спала девушка, нагая и прекрасная.

Рядом с красавицей, заложив руки за голову, лежал мужчина. Он давно сбросил с себя тяжелые цепи сна, и теперь его холодный, ничего не выражающий взгляд блуждал по потолку, подернутому узором из трещин.

Древней цитадели правителей Сумеречной империи уже давно перевалило за тысячу лет, и, наверное, следовало задуматься о реставрации родового гнезда. Но Скальде Герхильду Ледяной Лог нравился таким, какой он есть. Нравилась его мрачность, грубая роскошь огромных, объятых сумраком залов. Даже сквозняки, гулявшие по замку и ночами гремевшие в галереях доспехами, находили отклик в душе тальдена.

Услышав, как зашуршали простыни, почувствовав, что ее больше не окутывает тепло мужчины, в объятиях которого она мечтала засыпать каждую ночь, красавица открыла глаза. И хоть лица дракона не было видно, по его напряженной позе, по мышцам, обозначившимся на сильных руках, Далива поняла, его что-то гложет.

– Ты чем-то встревожен. Я же вижу.

Приникла к своему повелителю, положила голову ему на плечо, и золотистый локон тугой спиралью скользнул на обнаженную грудь мага.

Невесомой лаской прошлась Далива по широкой спине мужчины. От каждого прикосновения тонких пальчиков на коже тальдена проступала замысловатая вязь – таэрин. Стоило девушке отнять руку, как она тут же блекла и исчезала. Таэрин проявлялась из-за отношений, что их связывали. Отражение влечения, испытываемого драконом к придворной красавице.

Далива нахмурилась. Чернильный цвет магической росписи, мог означать только одно – будущий император не просто обеспокоен, он снова не в духе. Уж не она ли явилась причиной его недовольства? Может, что-то сделала не так?

Фаворитка его великолепия занервничала. Вдруг Скальде успел к ней охладеть? Вдруг одна из невест, что в скором времени прибудут в Хрустальный город, сумела увлечь тальдена настолько, что завладела его мыслями? Может, потому и задумчивый такой…

Далива понимала: так и должно быть. Так правильно. Но одна лишь мысль, что сердцем ледяного мага завладеет другая, не она, сводила с ума.

Вчера, когда повелитель, не успев вернуться в Ледяной Лог после продолжительного отсутствия и потребовал ее к себе, Далива обрадовалась. Вчера, когда повелитель вернулся в Ледяной Лог и потребовал ее к себе, Далива обрадовалась. Она уже давно привыкла к самообману. Не переставая внушала себе, что Скальде по-настоящему привязался к ней и, конечно же, очень скучал по своей фаворитке. Именно по ней, а не по ее телу, дарившему ему сиюминутное облегчение.

Увы, не успела Далива переступить порог императорской спальни, как тальден набросился на нее, а утолив страсть, снова облекся в броню из холода и отчуждения.

«Истинный Ледяной», – печально подумала молодая женщина. Привстав на коленях, прижалась губами к темным волосам повелителя, которые тот уже успел собрать в хвост.

Прошептала робко:

– Любимый, поговори со мной. За всю ночь ты не сказал ни слова.

Скальде обернулся. На резко очерченных губах тальдена обозначилась улыбка. Она не выражала ни нежность, ни ласку по отношению к фаворитке. Нет, улыбка эта была задумчивой, немного грустной и такой привычно холодной.

Отстранившись, Скальде поднялся и приблизился к дверям, ведущим на балкон. Толкнув мозаичные створки, с наслаждением вдохнул стылый утренний воздух. Там, где изъеденного временем камня касались босые ступни мага, расцветали, серебрясь, морозные узоры.

Сила переполняла Герхильда, искала выход. Близость с Даливой и ей подобными не спасала, лишь отсрочивала момент, когда магия отравит его, лишит разума.

Мужчина окинул взглядом заснеженную даль. Горы, величественные и неприступные, в кольце которых находился Ледяной Лог, завораживали и пленяли своей красотой. Искрясь в лучах восходящего солнца, ледяные пики пронзали розовеющее, напитывающееся светом небо.

Так и он с каждым прожитым годом напитывался магией своего рода. Магией всемогущей и всесокрушающей. Сколько осталось времени до рокового дня, когда он будет не в состоянии ее контролировать? Год? А может, месяц или два…

Если в самом ближайшем будущем у него не появится ари, которая разделит с ним магию рода Герхильдов, будущего императора постигнет незавидная участь – он обезумеет.

Скальде усмехнулся. Он и императором-то не успеет стать. Дольгатты этого не допустят, убьют его прежде. Старейшины побоятся рисковать. Ведь справиться с лишенным рассудка драконом, чудовищем, способным похоронить под толщей льда целые города, куда сложнее, чем лишить жизни человека. Пусть и тальдена, но уязвимого из-за переизбытка магии.

Единственный выход – жениться на алиане, назвать ее своей ари.

Алианы – жемчужины их мира. Этих девушек прочили в жены тальденам – самым могущественным магам Адальфивы. Во время брачного ритуала они вбирали в себя часть силы супруга, чтобы потом передать ее своему потомству.

Каждая из них мечтала выйти замуж за дракона, неважно, Ледяного или Огненного. Каждая хотела назваться женой тальдена. Но не всякая рвалась в императрицы. Слишком сильна магия рода Герхильдов, слишком велика опасность для жизни будущей правительницы.

К счастью для ледяного мага, находились и такие, которые, несмотря ни на что, жаждали породниться с древним колдовским родом. Эти алианы были готовы пойти на риск.

Скальде мог заставить приехать их всех. Достаточно лишь приказать главам родов, и они безропотно покорятся, пришлют в Ледяной Лог всех своих дочерей, наделенных способностью забирать магию. Мог, да не хотел. Хватило и прошлого отбора, в результате которого погибла девушка. Ставшая ему женой на одну короткую ночь.

И вот грядет новый отбор. Девять невест вскорости прибудут в замок.

Скальде прикрыл глаза, перебирая в памяти лица и имена алиан, согласившихся с ним обручиться. Некоторые во время обряда помолвки выглядели такими запуганными, такими несчастными, что даже в ледяном сердце будущего императора шевельнулось нечто, похожее на сострадание. Эти алианы не мечтали о власти, не жаждали связать свою судьбу с судьбой самого могущественного мага империи. И тем не менее они покорились. Покорились воле родителей, готовых поставить на кон жизни собственных дочерей, лишь бы иметь шанс приблизиться к Сумеречному престолу.

Скальде горько усмехнулся. Даже если одну из этих девочек признают полностью соответствующей дракону и достойной короны – этого недостаточно. Нужна любовь или хотя бы некое ее подобие. Связующее чувство, которое до сих пор было ему чуждо.

Мавена его любила. Он ее – нет. Быть может, именно это ее и убило. Его безразличие.

Погруженный в себя, ледяной маг не заметил появления на балконе Даливы. Вздрогнул, когда холодные ладони коснулись его, робко огладив напряженные плечи, и услышал вкрадчивый голос:

– Скальде, ты и так слишком долго тянул с отбором. Прекрати себя мучить! Прошел год со смерти Мавены. Траур по ней закончился. Скорее, тебя сведет с ума чувство вины, нежели это сделает растущая в тебе сила. Тебе нужна ари, империи – новый правитель. Не безумец. И уж точно не твой кузен Игрэйт, – скривилась, будто жука проглотила, фаворитка, – который спит и видит, как бы поскорее усесться на Сумеречный престол. Твои родители умерли, братьев у тебя нет. Представь, что станет с этими землями, если править будет помешанный на власти дракон. Игрэйт.

– С каждым поколением сила моего рода крепнет. Моя мать едва пережила слияние с отцом. А Мавена и дня не пробыла императрицей, – глухо отозвался наследник.

– Значит, не так уж она тебе подходила. Мне больно говорить это, но, возможно, среди тех девочек есть та, которая не только примет твою силу, но и пробудит в тебе чувство. К сожалению, мне этого не удалось, – печально улыбнулась Далива.

Тальден хмыкнул, неожиданно вспомнив о последней своей избраннице – старшей дочери князя Сольвера. У него было шесть дочерей и все – алианы. Счастливец! Эррол Ритерх считал, что вполне может рискнуть одной. А вдруг повезет, и станет отцом императрицы? В крайнем случае, дочь вернется к нему с сундуками, полными подарков – золота и драгоценностей – и ее можно будет сосватать какому-нибудь другому тальдену. При наихудшем раскладе – одной алианой у его светлости станет меньше.

Девчонка явно была со странностями. Может, потому князь так обрадовался, когда она приняла предложение будущего императора. А вот сам наследник почти сразу о нем пожалел. Уж больно сумасшедший взгляд был у девицы во время обряда обручения. И ни капли почте-

ния. Ни к отцу, ни к жениху. Да еще и манеры отвратительные. Другие девушки, кто от страха, а кто от благоговения, чуть в обморок перед ним не падали. А эта…

Было в девице что-то неправильное, что-то чуждое. Но Скальде не стал задерживаться, дабы выяснить, что с ней не так. От переизбытка силы его мутило, не терпелось оказаться в Ледяном Логе с Даливой.

– Вернемся в постель, – прижалась к тальдену девушка.

В отличие от ледяного мага она, уроженка Рассветного королевства, плохо переносила стужу. Дрожала, втайне надеясь, что повелитель заметит, как ей холодно. Обнимет, как прежде, и уведет в свои покои, согретые жаром каминов.

Но Скальде не обнял ее и, кажется, даже не услышал тихих слов, поглощенный своими мыслями.

Глава 4

Все последующие дни меня не покидало ощущение, что я снова стала студенткой. И в кои-то веки прилежной. Благодаря заклятию Блодейны – моей тюремщицы, я не только могла понимать здешний язык и говорить на нем, воспринимая его как родной русский, но и проглатывала одну книгу за другой.

Не скажу, что все были интересными. Придворный этикет, например, – та еще нудятина. Но с ним, как назидательно заявила Блодейна, обязана дружить каждая эсселин. Так, кстати, здесь обращаются ко всем знатным девицам. А вот если я вдруг по счастливой случайности выйду замуж за несравненного нашего (мы еще даже толком не познакомились, а он мне уже заранее не нравился; не зря же Фьярра от него сбежала аж в другой мир), то стану эссель. Ну а после коронации ко мне будут обращаться не иначе, как ваша лучезарность.

Лучезарность, блин! Тут уже и не знаешь, плакать или смеяться.

Я вскользь познакомилась с историей Сумеречной империи и благодаря тяжеленному талмуду, «Летописям Адальфивы», заглянула в прошлое граничащих с империей королевств: Рассветного и Темнодолья. Хотя последнее и королевством можно назвать с большой натяжкой. Так, крошечное пятнышко на карте на линии имперской границы. Поначалу даже решила, что это картописец (интересно, бывают такие?) по неаккуратности кляксу поставил. Ан нет, оказалось – аж целое государство. Которым правил близкий родственник Скальде Герхильда – Игрэйт Теудур Хентебесир.

Честно, если бы меня так при рождении назвали, я бы еще в раннем детстве повесилась.

Территория Рассветного королевства тоже впечатляла, но все же уступала своими размерами Сумеречной империи.

Еще одним открытием стало то, что Фьярра была алианой. Бесценным товаром на рынке невест. За который почтенные тальдены готовы были друг другу глотки грызть. Лишь бы заполучить в свое безраздельное пользование одну из этих красоток и превратить в свою ари. Другими словами, сделать законной женой.

Тальдены – вообще отдельная песня. Это особая когорта магов, способных превращаться в драконов и еще с кучей других наворотов.

Откуда взялись тальдены, я тоже почерпнула из книг. Много столетий назад, конкретно не уточнялось (тоже мне, летописцы), Адальфива воевала с презренными тварями, прозванными Перевоплощенными. Жаль, ни в одном учебнике, выданном мне наставницей Фьярры, не нашлось их портретов и даже маломальского описания. Поэтому понять, что они собой представляли, я не смогла. Как и выяснить причину войны.

Не то чтобы я хотела произвести впечатление на кое-кого своими познаниями истории мира. Просто было скучно и любопытно.

Перевоплощенные побеждали. Обычных рыцарей они прихлопывали, как мух, скопом и быстро. Магов чуть дольше, но с тем же успехом. Города исчезали один за другим, словно звезды в разгар звездопада.

И тогда из каждого магического рода Адальфивы выбрали по одному самому достойному, одаренному юноше. Их соединили священными узами брака с девушками, прекрасными внешне и крепкими здоровьем. После чего старейшины каждого рода принесли себя в жертву, отдав свою силу избранникам. Чтобы те спасли мир от Перевоплощенных, превратившись в существ еще более могущественных – драконов.

Истребив врага, в первую же брачную ночь избранные передали часть силы своим женам – ари. А те потом отдали ее своим детям.

Так появились алианы и тальдены, также величаемые Хранителями. Если над миром снова нависнет угроза войны, тальдены первые встанут на его защиту.

– Все это, конечно, замечательно, но мне ваша сила и даром не нужна. А потому спать я с ним не буду ни за какие коврижки! – поставила Блодейне ультиматум. – На замужество, так уж и быть, подпишусь. А дальше пусть возвращается ваша Фьярра и сама рулит, как знает. В смысле, ублажает это свое великолепие.

Сердце больно царапнула ревность. За минувшие дни оно ею уже было исчерчено в клеточку. Фьярра ведь там, с ним. Проводит медовый месяц с моим мужем. От этой мысли хотелось на стенку лезть, кричать и материться.

Но я терпела, потому как не было возможности отвести душу. Сцепив зубы, читала книги. Понимала, что, чем быстрее освоюсь в незнакомом мире, чем быстрее пойму, как приструнить ведьму и что ей на самом деле от меня нужно, тем скорее вернусь домой к Леше.

То, что Блодейна темнит и недоговаривает – это и дураку ясно. А я себя дурой никогда не считала. Но не стану же вытягивать из нее правду клещами? Нет, я бы с удовольствием! Вот только не уверена, что колдунья мне это позволит.

Приходилось довольствоваться неубедительными отмазками типа: «Фьяррочка очень чувствительная и ранимая, ее легко могут обидеть другие невесты».

Тоже мне, олененок Бэмби.

Еще «у нее слабенькое здоровье, и ей противопоказаны стрессы». Будто мне их врачи прописали… «А все этапы отбора очень волнительны». И наконец резюмируя: «Пусть лучше девочка пока понежится на солнышке на этом вашем… Как говоришь? Точно, пляже».

А ты работай, Аня, работай. Охмурялкой для вельможного драконолорда. Тьфу ты, тальдена.

Из непринужденных бесед с сестрами (а их у Фьярры обнаружилось аж целых пять) и другими обитательницами замка усвоила, что каждая алиана чуть ли не с пеленок мечтает выскочить замуж за тальдена. Якобы это их предназначение – стать ари. Вот только не всякая почему-то желает выйти за Скальде. Пока что это для меня тайна, покрытая мраком.

Стоило об этом заговорить, как девушки стыдливо опускали глаза и мямлили, что они порядочные эсселин, а не сплетницы. И, как назло, всякий раз, когда я пыталась докопаться до истины, появлялась эта блудливая ведьма (я хотела сказать – Блодейна) и под любым предлогом уводила меня подальше от новоиспеченных родственниц. А уводя, напоминала, стерва, что жизнь и здоровье Леши в моих руках.

Пыталась я как-то допросить Мабли, на свой страх и риск. В конце концов, должна же я знать, на что подписалась и что не так с этим Скальде. Не успела договорить, как девушка побледнела, сливаясь цветом лица со своим передником, и пролепетала, что она не в курсе.

И все же я не отступала, донимала ее наводящими вопросами:

– Хромой?

– Нет.

– Косой?

– Никак нет, ваша утонченность.

Мабли маленькими шажками пятилась к двери, я – наступала.

– Может, псих?

– Э-э-э… нет, – прозвучало уже не так уверено. И глазки так и забегали, как маятники неисправных часов.

– Значит, садист…

Не хватало еще выйти замуж за извращенца!

– Это мне неведомо, ваша утонченность.

– Про́клятый, что ли? – почти сдаваясь.

– Просто чересчур одаренный.

Сказав это, служанка рванула в коридор, а я осталась стоять в растрепанных чувствах.

* * *

За три дня до отъезда в Ледяной Лог Мабли и Блодейна занялись облагораживанием фальшивой Фьярры. Заставляли меня часами торчать в купальне, где втирали мне в кожу крема с такими ядреными запахами, что, боюсь, его великолепию придется общаться со мной в противогазе.

Волосы питали душистой смесью масел, от которых роскошная шевелюра Фьярры становилась еще роскошней. Расслабляли меня массажами – единственное, что нравилось мне в этих ежевечерних ритуалах. Однажды, дождавшись, когда я погружусь в легкую дрему – ароматы благовоний и тихая музыка, как будто льющаяся из ниоткуда (чудеса магии), этому способствовали, – коварные заговорщицы решили напрочь избавить меня от растительности. Спасибо, хоть на голове оставили.

Лично мне она нигде не мешала. Я ведь не собиралась ни перед кем оголяться. Но Блодейна, стерва такая, посчитала иначе: пригвоздила меня при помощи чар к лавке, а потом еще и дара речи на время лишила. Когда я начала орать благим матом и грозиться Мабли, споро намазывающей меня густой, липкой дрянью, что то же самое проделаю с ее волосами.

Пока интриганки, не посоветовавшись со мной, превращали мое временное пристанище – тело этой трусливой соплячки – в храм гармонии и красоты, его светлость выносил мне мозг и испытывал на прочность мое терпение. Каждое утро призывал к себе в кабинет, где часами зудел о том, как надлежит вести себя невесте наследника при дворе. Дескать, в столице я буду представлять не столько себя, сколько весь славный род Сольверов – один из древнейших родов Сумеречной империи, основатели которого сражались бок о бок с первыми тальденами.

Приходилось сидеть в кресле, смиренно сложив на коленях холеные ручки, и слушать занудные разглагольствования папеньки. А ночами тащиться в храм Претемной Праматери и, словно ягненок, отданный на заклание, ложиться на высеченный из камня холодный алтарь, испещренный непонятными загогулинами-знаками. Лежать как дура или мумия, без саркофага, не шевелясь и не издавая звука, пока жрецы, облаченные в бесформенные хламиды, водили вокруг меня хороводы, призывая богиню наполнить чресла алианы, избранной Хранителем, какой-то там особой силой. Вот только не уверена, что надрывные завывания этих фанатиков, больше смахивавшие на вопли дворовых котов с ближайшей помойки, могли увеличить шанс появления на свет наследника.

Все мое естество противилось беспределу, что творился вокруг меня и со мной. Но протестовать было бессмысленно. Тем более что это могло навредить моим близким. Немного успокаивала мысль, что его великолепие вполне может остановить выбор на другой невесте.

Что будет означать мой проигрыш для семьи – еще предстояло выяснить. Но, надеюсь, Блодейна не отпетая негодяйка. Не станет же она вредить Леше или, не дай бог, маме с бабушкой, если я вылечу с конкурса? Я, конечно, буду стараться, но не факт, что мы с господином Герхильдом найдем общий язык.

Утром перед отъездом со мной пришли попрощаться сестры. Обнимая и целуя, желали удачи и изъявляли надежду когда-нибудь свидеться снова. И при этом так натурально грустно вздыхали… Как будто сами не верили своим словам.

Это наводило на нехорошие размышления.

Блодейна, партизанка, на мои вопросы отвечала уклончиво либо вообще морозилась. Как будто не понимала, что там, в Ледяном Логе, я быстренько выясню, что не так с этим Скальде. Может, рассчитывала, что, стоит мне оказаться в драконьем логове, как оттуда я уже не сбегу?

Что ж, это мы еще посмотрим… Пока же оставалось только строить догадки и ежиться от собственных предположений относительно возможных дефектов тальдена.

Мабли помогла мне обрядиться в платье из бледно-голубой парчи. Спереди оно было слегка присобрано, открывая край щедро расшитой серебром нижней юбки, своей белизной сочетавшейся со вставкой на тугом лифе. Серебряные украшения овивали тонкую шею и изящные запястья. Обвешивать себя золотом дозволялось только замужним дамам.

Разделив мне волосы на прямой пробор, Мабли уложила их в виде двух валиков, после чего нахлобучила мне на голову атур – головной убор, окутавший лицо невесомой голубоватой вуалью. Вот так я обзавелась симпатичными, обтянутыми шелком и обильно осыпанными жемчугом, «рожками». Довершали образ сказочной принцессы темно-синяя бархатная накидка на меху, перчатки в тон и отороченные мехом теплые сапожки.

Я смотрела на свое отражение, не в силах отвести восхищенного взгляда. Хрупкая загадочная нимфа – иначе и не назовешь. Не знаю, что думает обо мне Скальде Герхильд, но лично я себе очень нравлюсь. Налицо нарциссическая любовь.

– Ваша утонченность, экипаж уже подали.

В комнату вернулась Мабли и скромно замерла у стены, сложив перед собой ладошки, как будто во время молитвы.

Последний взгляд, брошенный на оправленное в резную раму зеркало, и прекрасная незнакомка в зазеркалье подарила мне улыбку, немного грустную и задумчивую.

Ну что ж, Аня-Фьярра-Мадерика Сольвер, готова побороться за ледяное сердце сказочного принца?

Я не была готова. Но ни Блодейне, ни князю до моих сантиментов не было никакого дела. А потому оставалось только пожелать себе удачи, подмигнуть себе же задорно (не уверена, что его отмороженности придется по душе невеста с постной физиономией) и, запахнув накидку, последовать за Мабли к новому и, надеюсь, очень непродолжительному этапу моей жизни.

* * *

– Еще один отбор!

Игрэйту хотелось рычать и крушить все вокруг. Вот только в Кристальной пещере крушить особо было нечего. Разве что посбивать в порыве гнева ледяные наросты, которыми за долгие столетия обросли каменные своды давным-давно позабытого людьми и магами места – храма Леуэллы.

Тальден вглядывался в голубоватую дымку, затянувшую пространство. Озирался нервно, щурясь от вспыхивающих то тут то там отблесков льда. В кристальной толще магу виделось лишь собственное отражение: перекошенное злостью лицо и взгляд, потемневший от гнева.

– Где ты, тагры тебя подери?! У нас был уговор! Ты обещала помочь! Леуэлла!!!

От крика, эхом отскочившего от стен, земля под ногами дрогнула, и Игрэйту почудилось, будто острые ледяные иглы нацелились на него, готовые пронзить сердце мага в любую минуту. За то, что осмелился нарушить покой священного места.

– Ну чего разорался?

Снежный вихрь пронесся по пещере, покружил вокруг тальдена и осыпался на землю белым крошевом, у самого подножия подернутого морозными узорами алтаря.

Игрэйт зажмурился от пронзительно-яркой вспышки, а когда открыл глаза, увидел перед собой древнее божество – снежного духа. Леуэлла сидела на жертвеннике, кокетливо закинув ногу на ногу, и поигрывала так и норовившей соскользнуть с изящной ступни хрустальной туфелькой.

– Пусть я и Древняя, но ведь не глухая же.

– Ты обещала, – скрипнув зубами, повторил маг.

Снежная дева неопределенно хмыкнула. Подковырнула перламутровым ноготком ледяную корку на камне, и по той, разветвляясь, побежали трещины.

– А разве я не сдержала слово? – захлопала белесыми ресницами, отчего серебристая пыльца осыпалась на бледные щеки девушки. – Или год назад Ледяной Лог не пополнился еще одной статуей? Мальчишка, да и вся Адальфива, уверены, что это убийственная сила Герхильдов превратила Мавену в ледяную скульптуру.

– Скоро начнется новый отбор, – мрачно перебил Древнюю гость.

Леуэлла безразлично пожала плечами:

– Не моя проблема. У нас было разовое соглашение.

– Но ты должна мне помочь!

– А вот это ты зря… – Холодные и как будто прозрачные глаза девы опасно сверкнули. – Запомни раз и навсегда: я ничего никому не должна. Так приспичило править Сумеречной империей – вызови Скальде на поединок. А не виляй хвостом перед ним, как преданная собачонка, довольствующаяся объедками с императорского стола!

Игрэйт все-таки поддался недавнему порыву и глухо зарычал. Дернулся к снежному духу, но успел поймать в кулак лишь горсть снега, тут же растаявшего на ладони. Мгновение, и вот уже чистый, словно звон хрустального колокольчика, голос звучит из другого конца пещеры:

– Осторожней, Игрэйт. Не забывай, *кого* ты призвал. Ты ведь не хочешь, чтобы я рассердилась?

Тальден почувствовал, как холодок побежал по спине – это призрачные руки Леуэллы легли ему на плечи. Бесшумно обойдя колдуна по кругу, снежная дева, лаская, кончиками пальцев очертила абрис его бледного, напряженного лица. Прикрыв глаза, подалась вперед, желая коснуться уже изрядно посиневших губ мага смертоносным поцелуем.

Сбросив оцепенение, Игрэйт отшатнулся, а Леуэлла громко расхохоталась, и от этого заполнившего пещеру пронзительного звука со сводов, терявшихся в чернильной тьме, посыпались ледяные осколки.

– Какие же вы, смертные, скучные. Трусливые. Так боитесь рисковать собственной шкурой. А зря. Мне говорили, я хорошо целуюсь.

– Поверю на слово, – хмуро буркнул тальден и вернулся к интересовавшей его теме. – Помоги мне в последний раз. Я щедро заплачу.

– Чем же? Жизнью еще одной невесты? Так другой у тебя пока нет.

– Чем угодно! Назови цену! – запальчиво выкрикнул маг.

Леуэлла поджала посеребренные инеем губы:

– Хм, надо подумать… А пока я буду думать, ты отправишься в Ледяной Лог.

– Но…

– Не «но», а «как вам будет угодно, о, моя премудрая покровительница»! Ты – ближайший родственник Герхильда, а значит, второй после него претендент на Сумеречный престол, так? Так. Значит, тоже вскоре обязан жениться.

– Это Скальде уже почти труп. – Игрэйт не заметил, как при этих словах по губам его скользнула улыбка. – Моя же магия меня не убивает. – Тальден не спешил связывать себя священными узами брака, потому и отдал без сожаления снежному духу алиану, с которой год назад обручился. За это Леуэлла «позаботилась» о Мавене, которая благодаря стараниям Древней и дня не пробыла императрицей.

– Хочешь править?

Игрэйт настороженно кивнул.

– Тогда делай то, что тебе говорят! Каждому отбору предшествуют месяцы подготовки. Скажи, что желаешь присмотреться к алианам, отобранным Скальде. Старейшины не станут возражать. Наоборот, обрадуются возможности совместить два отбора и подобрать ари не только потенциальному императору, но и его возможному преемнику.

– А если ни одна из алиан мне не подойдет?

– Молись Претемной Праматери, чтобы подошла. А впрочем, лучше не вспоминай лишний раз эту стерву.

Леуэлла снова уселась на алтарь, на котором когда-то, много веков назад, люди оставляли ей свои подношения. Миновали столетия, паломники забыли дорогу к священному храму на вершине скалы, как позабыли о снежной деве и других Древних. Отреклись от них. Не подпитываемые молитвами, боги исчезли с лица земли. И если бы не призыв тальдена, она так и оставалась бы в небытие.

– Хорошо, допустим, подойдет, – не догадываясь о сумрачных мыслях духа, согласился Хентебесир. – Ну женюсь я. И что тогда?

Леуэлла закатила глаза.

– И все-то тебе надо разжевывать… Императрица, как это водится, не переживет брачную ночь. Скальде обезумеет. Если не от переизбытка силы, так от чувства вины. А если и эта смерть оставит его равнодушным, мы сами поможем ему обезуметь. И все. – Блеклые губы духа растянулись в зловещей улыбке, обнажая маленькие острые клычки. – Герхильда убивают дольгатты, а тут ты – сильный тальден, да еще и счастливо женатый. Старейшины перед тобой на коленях валяться будут, умоляя, чтобы согласился взвалить на себя бремя правления империей.

– А мне нравится твоя идея! – потирая руки в предвкушении скорой победы, воскликнул колдун.

– Еще бы, – хмыкнула снежная дева.

– А что же с оплатой?

Мгновенную радость поглотили иные чувства: настороженность и беспокойство.

– Милый мой мальчик, я не потребую от тебя ничего такого, что ты не сможешь мне дать, – промурлыкала Леуэлла.

Послав магу воздушный поцелуй, от которого у Игрэйта мороз побежал по коже, Древняя взметнулась снежным вихрем и исчезла в глубинах горного храма.

Глава 5

Я не хотела уезжать.

Не то чтобы мне было жалко расставаться с фальшивыми отцом и сестрами и ведьмой-шантажисткой. Просто ноги не несли к повозке, запряженной четверкой белых, как заснеженные пики гор, лошадей. Красивых – ничего не скажу. Но, увы, крылатых.

А я полетов до чертиков боюсь. И воздушному транспорту предпочитаю наземный. Лучше поваляться денек-другой с книжкой в поезде, чем за пару часов домчать на самолете. Тем более что еще от полета с драконооборотнем не отошла.

Карета, с виду как будто сделанная из стекла, выглядела довольно хрупкой. Того и гляди, от одного порыва ветра потрескается или, еще хуже, развалится. Кони и вовсе не внушали доверия. Как-то уж больно нетерпеливо потрясали серебряными гривами, громко фыркали и выбивали копытами искры из припорошенного снегом камня. К таким и приблизиться страшно. Не то что позволить унести себя в заоблачные дали.

– Что-то мне уже расхотелось замуж…

Чувствуя, как начинают дрожать коленки и выбивают чечетку зубы, я повернула обратно. Но не успела сделать и пары шагов по направлению к замку, как предусмотрительная наша, схватив меня за руку, потащила назад к сомнительной прочности экипажу.

– Перестань трястись!

– Мне страшно!

Голос тоже дрожал, наверное, из солидарности с телом.

– С фальвами тебе нечего бояться. Это зачарованные животные, единственное задание которых – доставить тебя в Ледяной Лог. – Распахнув дверцу кареты, Блодейна, дама не только властная, но и весьма крепкая телом (нынешней хрупкой мне с ней точно не справиться), впихнула меня в недра экипажа. Наклонилась, сделав вид, будто заботливо поправляет тяжелый шлейф моего платья, и просветила: – Не пройдет и часа, как будешь в столице.

Или, скорей, туда прибудут мои бренные останки, потому как душа к тому времени трусливо смоется. Это сейчас она в пятки ушла, а стоит этим самым фальвам взмыть в небо, как мы с ней распрощаемся навсегда.

– Не забывай, – принялась за свои страшилки ведьма, – от того, как будешь себя вести, зависит не только твое будущее, но и…

– Не бойся, о муже я не забыла. И сделаю все, лишь бы отсюда выбраться!

Несмотря на холод, коловший кожу, щеки запылали, и по венам потекло пламя гнева. Поддавшись сиюминутному порыву, я с силой захлопнула дверцу прямо перед носом противной бабы и демонстративно отвернулась. Уж лучше любоваться высокими замковыми стенами, выраставшими на фоне затянутых туманной пеленой гор, нежели лицезреть гримасу недовольства на лице этой стервы.

Не успела Блодейна отойти, как к экипажу приблизился мой псевдопапенька в щедро подбитом мехом плаще. Тоже попрощаться и тоже понаставлять.

Покончив с сентенциями, его светлость поднялся на ступеньку кареты, привстал на носочки и коснулся моего лба сухими губами.

– Ты, главное, себя сохрани, милая. А станешь императрицей или нет – дело десятое.

Надо же! Первые проблески заботы за все то время, что нахожусь здесь! Быть может, я бы расчувствовалась и даже обняла князя, вот только его просьба сохранить себя вновь заставила забеспокоиться.

Погруженная в переживания, даже не заметила, как Ритерх вернулся к дочерям.

В карету скользнула Мабли – единственная моя провожатая, полагаю, приставленная ко мне не столько прислуживать, сколько надзирать. Ведь пообещала Блодейна, что станет бдеть до последнего и с меня глаз не спустит. И я нисколько не сомневалась, что так и будет.

Последнее, что запомнилось – это как «родственники» и высыпавшая из замка челядь, улыбаясь, машут руками. Некоторые даже, растрогавшись, пустили слезу и зашмыгали носами. Или же причина в насморке – неожиданно начавшейся эпидемии.

А потом карета дернулась, чиркнув стальными колесами по мощеной дороге. Я вжалась в обитую красным бархатом спинку, расчерченную на ромбы золотыми нитками. Трусливо зажмурившись, принялась вспоминать молитвы, вдруг почувствовав искреннее доверие ко всем православным святым. На всякий случай и Претемную Праматерь упомянула. Готова была кому угодно молиться, лишь бы помогли добраться до Ледяного Лога живой и и невредимой.

Даже кучера для нас пожалели. И пусть потом папенька не серчает, если не удастся мне сохраниться!

Мабли легонько тронула меня за руку.

– Ваша утонченность, с вами все в порядке?

Не без усилия, но все же открыла глаза. Странно, но не было ощущения полета. Казалось, карета зависла в воздухе. Я ожидала, что нас начнет бросать в воздушные ямы и мотылять из стороны в сторону. А ветер, насмехаясь над моим страхом, будет жонглировать этим стеклянным шаром.

– Взгляните, как красиво!

Девушка чуть отодвинула занавеску, на которой золотились цветочные узоры. Светло-зеленые глаза Мабли сияли восторгом, на губах играла улыбка ребенка, впервые оседлавшего пони.

– Может, чуть позже…

– Если чуть позже, пропустите самое интересное, – резонно заметила служанка. – Говорят, нет ничего прекраснее, чем Хрустальный город с высоты драконьего полета.

Сглотнув застрявший в горле комок, я разрешила раздвинуть занавески полностью и присоединилась к созерцанию красоты.

Сердце едва не пробило грудную клетку. Сначала зашлось от страха, потом – от восторга. За окном снежинки сражались с неистовыми порывами ветра, не то завывавшего, не то стонавшего в заоблачной вышине. Внизу под нами простирались горы, величественные и прекрасные. Долины, изрезанные лентами дорог, и темные точки не то городов, не то небольших селений, подернутые дымкой тумана.

А вскоре нашим глазам открылась поистине сказочная картина – имперская столица во всей своей красе. Хрустальный город. Теперь я понимала, почему его так назвали. Светлые с голубоватым отблеском здания сверкали на солнце и издалека действительно казались хрустальными. Искрящийся снег шапками укрывал покатую черепицу крыш. Улочки и палисадники перед маленькими, как будто пряничными, домами, площади и скверы – все казалось таким ажурным, нежным, воздушным.

– Как же красиво! – с благоговейным трепетом выдохнула Мабли, умилительно сложив на груди ладошки.

Хорошая, в общем-то, девушка. Отзывчивая, добрая. Но имеется у нее один существенный недостаток – Мабли душой и телом предана Блодейне.

– Ой! А это Ледяной Лог! Я его раньше только на картинках в книгах видела!

При виде замка ощущение, что попала в сказку, пусть и не очень добрую, только усилилось. Подозреваю, что под толщей льда скрывался камень. Но со стороны императорская резиденция казалась и впрямь построенной изо льда.

И если мой экипаж, тоже немного подмороженный, выглядел совершенно ненадежным, то от Ледяного Лога буквально веяло силой и мощью. А еще холодом. Таким же пронзительным, как и от его хозяина, Скальде Герхильда.

Величественно и гордо вздымались в небо ледяные башни, пронзая своими острыми шпилями гущу облаков. На самой широкой, центральной, прямо над массивным балконом сиял серебром императорский герб – дракон, разметавший в воздухе крылья.

Описав круг почета над замком, мы, постепенно снижаясь, полетели дальше.

– Я думала, нас ждут в Ледяном Логе.

– По традиции, сначала невест наследника приветствуют горожане возле ратуши. И только потом появляются его великолепие и старейшины, чтобы забрать алиан в замок.

Я занервничала. Не ожидала, что появление невест будет обставлено столь помпезно. Вид площади перед ратушей, наводненной галдящей толпой, заставил меня заерзать на месте.

Никогда не любила быть в центре внимания. Психовала перед семинарами, а уж после защиты диплома и вовсе приходила в себя несколько дней, сидела на строгой диете из валерьянки и ромашкового чая.

Как оказалось, мы чуть припозднились. Остальная команда невест уже выстроилась на плацу (извиняюсь, на затянутой синей тканью сцене) и, великодушно улыбаясь, помахивала благодарной толпе изящными ручками в теплых перчатках.

Истинные эсселин. В каждой чувствовалась порода.

Не сдержавшись, тихонько присвистнула. А у Скальде губа не дура. Все девушки были диво как хороши. И я вдруг поняла, что борьба за сердце наследника окажется не из легких. Скорее, как на ринге поединков без правил.

Зря Блодейна все это затеяла. Чему я там могла научиться за две недели? Я не эсселин, не алиана. Можно сказать, иностранка, прочитавшая по диагонали брошюру для любопытных туристов.

– Секундочку, вуаль.

Невесомая дымка растаяла перед глазами – это Мабли откинула полупрозрачную ткань и ловко закрепила ее над моими «рожками». После чего первая выскочила из кареты и помогла спуститься мне. Но на сцену не повела. Пришлось топать самой. Подниматься по ступенькам под громкие рукоплескания горожан и холодно-оценивающие взгляды соперниц. А потом еще добрых четверть часа, стараясь подражать остальным девушкам, улыбаться счастливой толпе и приветственно махать ручкой.

И вот, когда у меня уже скулы свело от слащавых улыбок, благодарные зрители вдруг замолчали. Почтительно расступаясь, стали кому-то кланяться. Памятуя о том, как должны приветствовать подданные своего властителя, я опустилась в низком реверансе. Скромно потупилась.

Правда, смирения моего хватило ненадолго, от силы на пару секунд. Любопытство взяло верх, и я, не сдержавшись, подняла глаза. Чтобы встретиться с пристальным и холодным взглядом главного виновника этого торжества.

Его великолепие возглавлял шествие. Мужчины, что следовали за ним, были все как на подбор седовласы, в возрасте почтенном, если не сказать – преклонном. Готовые в недалеком будущем отбыть в вечность. С лицами, хранившими совершенно одинаковые выражения – величественно-надменные.

«Старейшины», – догадалась я.

В отличие от эрролов, которые длинными, с меховыми опушками мантиями смахивали на членов клуба ценителей шуб, наследник не выпячивал свою значимость и не демонстрировал высокомерие. По его непроницаемому лицу вообще было сложно что-либо прочесть.

Как-то в разговоре о тальденах сестры упомянули, что магия рода накладывает отпечаток на характер ее носителя. Из того, что услышала и прочитала сама, сделала вывод, что в

Огненных магах бушуют страсти. В то время как Ледяным свойственна холодность. Они ко многому безразличны.

А Блодейна хочет, чтобы я во что бы то ни стало влюбила его в себя.

Сердце тоскливо заныло. Чем дольше смотрела на Скальде, тем отчетливее понимала, что проще из камня высечь огонь, чем растопить лед в сердце отмороженного колдуна.

Еще сестры, хихикая и краснея, шушукались о том, что его великолепие настоящий красавчик. Что ж, они и здесь оказались правы. Хоть тальден однозначно и не мой типаж (для меня идеал красоты – это мой Леша), приходилось признать, будущий император приковывал к себе взгляд.

Скальде был высок, широкоплеч и статен. Длиннополый плащ наследника развевал ветер, открывая его как будто высеченную из камня фигуру. Леша у меня субтильный, со спортом особенно не дружил. В то время как господин Герхильд явно любил потягать железо – неважно, мечи или гантели.

Маг излучал такую мощь, такую властность, что я, как и тогда во время обряда, снова почувствовала себя букашкой. Крошечным насекомым. Его драконье великолепие окружала незримая, но весьма осязаемая аура силы, и эта сила давила на меня, угнетала. Заставляла опускаться все ниже и ниже в реверансе.

Рядом с Лешей мне было комфортно, спокойно. А присутствие Скальде лишало тех крупиц душевного равновесия, что еще оставались.

Вельможный жених по очереди подходил к невестам, тоже, кажется, с трудом боровшимся с волнением и желанием пасть пред ним ниц в глубоком обмороке.

Вот ведь сногсшибательный мужчина. В прямом смысле слова.

Будущий правитель приветствовал каждую избранницу вежливой, но совершенно ничего не выражающей улыбкой. Потом что-то говорил девушке, и на губах у той тоже расцветала улыбка, застенчивая и вполне искренняя.

Одарив вниманием одну претендентку, маг подходил к следующей.

Пока его великолепие отпускал комплименты по порядку номеров всем алианам, я была вынуждена подсчитывать падавшие на носки моих сапог снежинки и не смела разогнуться. От долгого пребывания в неудобной позе затекли ноги, руки и все остальное. Чувство раздражения начало стремительно брать верх над волнением. Быть может, Фьярра и привыкла по полчаса корячиться в реверансах. Я же такой выдержкой не обладала.

В какой-то момент поняла, что все, сейчас неуклюже растянусь на сцене на потеху публике. Желая избежать конфуза, выпрямилась. Оставалось надеяться, что его великолепие не расценит это, как проявление неуважения с моей стороны. А если и расценит – сам виноват. Ползет как черепаха. Да и вообще, нефиг так долго языком чесать с номером восемь.

Не успела расправить плечи, как в меня стрелой метнулся хищный взгляд холодных серых глаз. Дракон сразу же потерял интерес к бледнолицей брюнетке, отчего та обиженно поджала губы и недобро на меня покосилась. Тальден тоже выглядел недовольным. Смотрите-ка! Хмурится. Значит, все-таки небезнадежен. Какие-то эмоции может испытывать, пусть даже и отрицательные. И чего, спрашивается, тогда придуривается…

Маг поравнялся со мной. Глядя с высоты своего немалого роста, спросил:

– Вы всегда так пристально разглядываете мужчин?

Улыбку зажал. Или же на восьмой претендентке они у него просто закончились.

– Только тех, за которых планирую выйти замуж, – пошутила я, пытаясь разрядить обстановку. Она вокруг нас была немного наэлектризована.

– И много у вас таких?

Наследник заломил бровь, явно не оценив мое чувство юмора. Шуток не понимает. Плохой знак.

Этим он окончательно выбил меня из колеи. Потому и ляпнула, не подумав:

– Пока только вы.

Почувствовала, что меня начинает подташнивать и колотить.

Горожане, тальден, старейшины, соперницы – все смотрели на меня с такими лицами, как будто чего-то ждали. И это заставляло нервничать.

– Добро пожаловать в Хрустальный город, эсселин, – снова приняв безразличный вид, бросил Герхильд.

Обдав напоследок своим холодом, спустился со сцены. Уступил место дородной даме в роскошном наряде и таком же, как у Блодейны, колпаке с вуалью.

Обведя зрителей торжественным взглядом, женщина громко заговорила, и ее хорошо поставленный, звучный голос, наверняка усиленный магией, разлетелся по всей площади:

– Мы рады приветствовать самых прекрасных девушек Адальфивы в сердце нашей империи! Сегодня весь город будет праздновать, веселиться и танцевать в вашу честь!

Народ зашумел, радостными криками одобряя намеченную программу.

А я облегченно выдохнула, когда услышала:

– Наших же бесценных гостий приглашаем в замок отдохнуть после утомительного путешествия. Восстановить силы перед балом!

При слове «бал» девушки заметно оживились. Стали друг с другом переглядываться и дарить улыбки. Я тоже сделала вид, что страх как рада запланированному мероприятию и жду не дождусь начала средневековой тусовки. Правда, почти сразу же приуныла, когда пышнотелая дама, подбоченившись, деловито произнесла:

– Ну а уже завтра состоится первое испытание! Поприветствуем же избранниц! Очень скоро одна из них взойдет на трон под руку с нашим будущим императором!

Скальде смотрел оценивающе то на одну, то на другую девушку, но только не на меня. Будто заранее вычеркнул меня из списка претенденток на его ледяное сердце и давал понять, что если кто и станет императрицей, то точно не я.

Не с ним и не в этой жизни.

Глава 6

Суматошное утро, головокружительный полет над пиками гор, жадное внимание толпы и явное отсутствие внимания к моей персоне со стороны наследника сделали свое дело. Я чувствовала себя… Нет, не выжатым лимоном. Скорее, прошлогодним цукатом, завалявшимся где-то на кухне.

Оказавшись в покоях, к дверям которых была прибита незамысловатая табличка с номером девять (вероятно, написать на ней мои имя и титул банально поленились), только и смогла что доплестись до кровати. Рухнула лицом в подушки, да так и заснула: «рогатая», одетая и обутая.

Из блаженного забытья вывел тихий голосок Мабли. Девушка осторожно трогала меня за плечо, приговаривая:

– Ваша утонченность, ваша уто…

– Находится вне зоны доступа и будет там же до завтрашнего испытания. – Я и сама спросонья не поняла, что сказала. Обняв подушку, сладко зевнула и перевернулась на бок. – Его великолепию передай, что у меня спину прихватило из-за долгого пребывания на морозе в позе стоячего лотоса. Может, совесть у отморозка проснется…

Ну не нравилось мне ему кланяться. Не нравилось, и все тут!

– Но госпожа, – в голосе служанки, обычно таком кротком и мягком, послышались слезные нотки. Это дома в случае чего Мабли бежала за помощью к Блодейне, а здесь ей придется самой со мной управляться. – Все алианы уже два часа как наряжаются и прихорашиваются. А мне вас еще купать, кормить и переодевать.

– Еще скажи, памперсы мне менять… Я тебе кто, новорожденная? – попробовала было возмутиться, но сил даже на это не хватило.

Все, спать, спать и еще раз спать.

– Когда вот так капризничаете… Я слышала, как эсселин договаривались собраться перед праздником в гостиной, познакомиться и пообщаться, – решила зайти с другой стороны хитрюга.

И, надо признать, уловка сработала. Я тут же подхватилась, вдруг почувствовав резкий прилив бодрости. Раз алианам не терпится друг к другу присмотреться, то и мне, пожалуй, стоит начать вливаться в их дружный коллектив. Не столько ради оценки «вражеской силы», сколько из-за ледышки Герхильда. Я ведь так до сих пор и не узнала, что за дефект скрывает его ледяное великолепие.

Так как внешних при беглом осмотре обнаружено не было, пришла к выводу, что подстава кроется в чем-то другом. И следовало как можно скорее выяснить, в чем именно. Я по-прежнему не отметала версию, что Скальде – маньяк-садист, местный аналог Синей Бороды и Кощея Бессмертного. Сильные мира зачастую уверены, что могут позволить себе все, что угодно, и им за это ничего не будет. Вдруг тальден из таких уродов.

Брр…

Солнце уже почти скрылось за горизонтом. Последние закатные лучи раскрашивали комнату приглушенным, золотисто-охровым цветом. Пламя в каминах, расположенных друг напротив друга, не только согревало, наполняя спальню умиротворяющим звуком потрескивающих поленьев, но и делало окружающую обстановку уютной.

Приподнявшись на локтях, я с интересом огляделась. Комната оказалась очень просторной, если не сказать огромной. Широкая кровать пряталась в алькове под изумрудным с золотой бахромой балдахином. Повсюду горели свечи – на изящных столиках черного дерева, на подоконниках стрельчатых окон, чередовавшихся с витыми колоннами; над каминами. Пламя

свечей отбрасывало тени на стены, увешанные гобеленами с красочными изображениями райских садов и гуляющих по ним златовласок.

Каменный пол устилали мягкие пушистые ковры. Сундуки и лари темнели по углам спальни. Заметила два глубоких кресла и множество мягких пуфов, а еще туалетный столик с поблескивавшим на нем серебряным кувшином да тазиком для умывания. Рядом стоял раскрытый резной ларец, из которого выглядывала нитка розового жемчуга, венчавшая самоцветы разной формы и размеров в ажурных оправах из светлого и черненого серебра.

Мабли проследила за моим взглядом.

– Подарки наследника. Хотите взглянуть?

– Давай ты меня сначала выкупаешь и накормишь, – припомнила служанке ее слова, – а потом уже будем восхвалять щедрость его великолепия.

Облегченно выдохнув, девушка позвала меня в купальню. Не такую просторную, как в хоромах «папеньки», но тоже обставленную со вкусом.

Четвертью часа позже, пока я утоляла голод, сидя за туалетным столиком, Мабли споро укладывала мои волосы. Снова закрутила их над ушами и спрятала под серебристые сеточки, соединенные тонким шнурком, украшенным драгоценным камнем, формой и цветом напоминавшим дождевую каплю.

– И во лбу звезда горит, – прокомментировала я, когда девушка поправила украшение, так, чтобы волшебная капелька мерцала точнехонько у меня над переносицей.

Один из многочисленных подарков месье Герхильда, проявившего небывалую щедрость. Хотя, признаюсь, я ожидала, что мне в шкатулку по его приказу положат дохлых лягушек. Ан нет, вон и перстенечки с сапфирами, и жемчужные подвески, и шикарная рубиновая парюра. И много-много чего другого. Не жмот, и на том спасибо. Жаль, домой с собой это добро не заберешь.

Покончив с прической, Мабли стянула со спинки кресла нижнее винного цвета платье, по подолу украшенное россыпями прозрачных, словно роса на лепестках роз, камней. Верхнее – распашное, из плотного шафранного шелка, имело глубокий треугольный вырез и длинные, расклешенные от локтей рукава, которыми можно было смело подметать полы. Широкий пояс, пущенный под грудью, подчеркивал пусть и скромных размеров, но все-таки имевшиеся у нас с Фьяррой в наличии формы.

Не прошло и часа, как я была во всеоружии. Пожелав себе удачи, отправилась знакомиться с алианами. Авось повезет, и они расскажут мне о Скальде что-нибудь интересное. А главное, полезное.

Распахнув передо мною двери уютной гостиной, Мабли юркнула обратно в коридор. А я застыла на пороге, сраженная наповал взглядами-копьями, метнувшимися в мою сторону. Сердце испуганно екнуло, мурашки побежали по коже.

Не сразу заметила, что далеко не все девушки смотрят на меня, как на врага народа или на бомбу замедленного действия, которая когда-нибудь обязательно рванет. В глазах некоторых читалось любопытство, а губ касались вполне искренние улыбки.

И тем не менее я нервничала и чувствовала, как на меня все сильнее давит атмосфера враждебности. Она исходила от пятерки красоток, оккупировавших дальний диванчик, тонувший в полумраке. Другая, малочисленная группка невест, расположилась на подушках, в творческом беспорядке разбросанных возле камина. Эти алианы, наоборот, источали радушие. Оставалось надеяться, что неподдельное.

Я условно поделила гостий его великолепия на команды светлых и темных.

– Доброго вечера, леди… эсселин! – поправилась спешно. Закусила губу, боясь ляпнуть еще какую глупость.

Дабы несколько уровнять счет, примкнула к «светлым». Тем более что тоже хотела погреть косточки у камина. Блодейна вырвала меня из душного московского лета и безжа-

лостно забросила в зимнюю стужу. Не то чтобы я была неженкой и не привыкла к морозу, но все же считала себя созданием теплокровным и мечтала о переезде куда-нибудь поближе к югу. Где в холодное время года солнце не только светит, но еще иногда и греет.

Вздохнув тихонько, едва не прослезилась от жалости к самой себе. Лешик с этой фальшивкой сейчас на пляжах в Тенерифе загорают. А я тут коченею.

– Эсселин Сольвер, рада знакомству, – лучезарно улыбнулась шатенка, обладательница очаровательных ямочек на щеках и задорных кудряшек, спрятанных под черной сеткой, усыпанной бриллиантами.

Девушка сидела ближе всех к камину и хрустела сухариками, которые жарили тут же на маленьких шампурах, или как там они называются. Поваренок в светлом колпаке нанизывал на них комочки теста и протягивал к огню.

– Меня зовут Ариэлла. Ариэлла Талврин, старшая дочь князя Деррена.

«Номер семь», – вспомнила я и ответила Ариэлле такой же открытой улыбкой.

Следом представились номера шесть и четыре. Нежная блондинка Майруэн, у которой волосы были еще светлее, чем у меня. И фигуристая, пышногрудая Гленда с роскошной, слегка вьющейся медной копной. Девушка явно гордилась таким богатством, а потому оставила волосы распущенными, украсив изящной серебряной диадемой. В бликах света, отбрасываемых камином и свечами в кованых канделябрах, казалось, будто плечи красавицы укрывает пелерина, сотканная из языков пламени.

Беря пример с княжны Талврин, алианы то и дело опускали свои беленькие ручки в корзинку с сухариками. Бедолага поваренок не успевал их жарить. Понятное дело, сухарики, а не руки. Я хоть и плотно поужинала, тоже соблазнилась ароматом и зачерпнула горсточку золотистых шариков.

Поваренок горестно вздохнул. Еще одна дармоедка прибавилась.

Неловкое молчание, возникшее после того, как назвала себя Гленда, нарушила горделиво поднявшаяся с диванчика и представившаяся брюнетка. Та самая, которая на сцене стояла рядом со мной и вовсю флиртовала со Скальде. Пока я на глазах у всей столицы корячилась в реверансе.

Подняв на девушку взгляд, поняла, что, будь я господином Герхильдом, тоже, наверное, не захотела бы от нее отрываться. Красота Керис Мадауг, княжны Серых пустошей, была холодной, но броской и притягательной. Утонченные черты лица завораживали, лишали возможности отвести взгляд. Как и природная грация, и чистый, будто перезвон хрусталя, голос. Пусть сейчас в нем звучали ледяные нотки, я готова была слушать его бесконечно. И смотрела на нее, как кролик, загипнотизированный удавом. Очень красивым и породистым. Почему-то подумалось, что эта холеная Снежная Королева и айсберг Герхильд составили бы идеальную пару.

Вот будет облом Блодейне, если мои прогнозы сбудутся.

Остальные девушки предпочли остаться на своих местах. В полумраке их лиц и фигур было особо не разглядеть, поэтому я сделала пометку в памяти: присмотреться к ним позже, во время бала. А пока что попыталась запомнить имена: Бриаллен, Хелет, Рианнон и Майлона.

Мне повезло, прямо-таки сказочно: Майлона оказалась той еще сплетницей, и все ее разговоры сводились к расчудесному тальдену. Похоже, девица была без ума от будущего императора. Не уставая, пела ему дифирамбы. И знала о Скальде, наверное, даже больше него самого.

Майлона напомнила мне молоденькую фанатку, визжащую от восторга при взгляде на своего кумира: музыканта, актера – без разницы. А здесь целый будущий император.

Обрадованная тем, что наконец обнаружился источник информации, я как бы между прочим сказала:

– Стать невестой его великолепия большая честь. Странно, что некоторые алианы от нее отказываются.

Как по мановению волшебной палочки все звуки стихли. Повисло молчание, заставившее меня напрячься. Переглянувшись, девушки уставились на меня немигающими взглядами. Даже поваренок позабыл о том, что должен жарить сухарики. Принялся озадаченно почесывать острием шампура свою макушку, отчего белоснежный колпак съехал набок.

– Знаете, а я вот тоже так считаю! – неожиданно поддержала меня Майлона, тем самым немного понизив градус напряжения.

– И тебя совсем не смущает, – кашлянув, начала было Гленда, а я затаила дыхание, – что он…

Он что? Что?!

Как назло, в тот самый момент так некстати распахнулись двери. Слуга в синем камзоле, красных лосинах и коротких пышных штанах, как у сказочного пажа, объявил:

– Ее сиятельство графиня Далива Ниана д'Ольжи!

– Фаворитка, – прокомментировала наша ходячая Герхильдопедия, и все девушки опустили взгляды.

Поднявшись, слаженно присели в реверансах. Я последовала их примеру.

Послышались шаги и шелест юбок. Оставаясь верной самой себе, я вскинула взгляд и быстренько просканировала незваную гостью. Чтобы уже в следующее мгновенье мысленно застонать. Еще одна красотка на мою голову. Как будто их без этой Даливы в комнате мало! У меня скоро случится передоз от избытка прекрасного.

Любовница наследника была сногсшибательно хороша и казалась полной ему противоположностью. Если Скальде – глубокая ночь, безлунная и беззвездная, то графиня предстала в моем воображении ясным, в самом разгаре полднем. Идеально-красивое лицо девушки обрамляли густые золотистые волосы, собранные в замысловатую прическу и украшенные головным убором с аппликациями из золотых колосьев.

Выпрямившись, я поймала лучащийся взгляд больших изумрудных глаз – в них словно отражались огоньки всех свечей разом. Нежный абрис лица, чувственные губы и россыпь веснушек на щеках. Одета фаворитка была в медового цвета платье, отороченное снизу и на рукавах коричневым мехом. На груди и в ушах – массивные украшения из янтаря, подчеркивавшие нежную с персиковым отливом кожу.

И сдалась Герхильду ари, когда у него под боком такое сокровище.

Ее сиятельство изобразила нечто вроде книксена: едва согнула колени и тут же царственно распрямилась. Стала пристально нас оглядывать, обходя каждую по кругу. Просвечивала взглядом, словно рентгеном, от макушки до самых пят и при этом не произносила ни звука. Алианы тоже почему-то молчали и, если и были недовольны столь бесцеремонным досмотром, виду не подавали.

Во мне же вспыхнуло раздражение. Мало того, что утром Герхильд разглядывал нас, как товар (ладно, не нас, а их; я в поле зрения его отмороженности почти не попала), так теперь еще и эта пялится так, словно рабыню себе выбирает. Этакую Золушку на побегушках.

– Может, монокль дать? – поинтересовалась с улыбкой. Наверное, она вышла несколько ядовитой, потому что графиня наморщила идеальный носик и резко притормозила.

Приблизившись ко мне вплотную, уперлась в меня немигающим взглядом. Теперь в ее глазах отражалось не согревающее пламя, а щетинились ледяные осколки. У Герхильда поди нахваталась.

– Эсселин Сольвер, полагаю?

– Вы полагаете верно.

Далива нахмурилась, отчего у нее на переносице обозначилась глубокая складка. Поджала губы, и те вытянулись в тонкую блеклую нитку.

Гримаса недовольства ее сиятельству явно не шла, портила эту совершенную красоту.

Отступив на несколько шагов, графиня гордо вздернула подбородок и проговорила, обращаясь ко всем нам:

– На протяжении следующих недель вы будете находиться под неусыпным надзором. За вами днем и ночью будут следить слуги, придворные, наследник, эссель Тьюлин. И я, – жесткой усмешкой подчеркнула свои последние слова. – Смысл моей жизни заключается в том, чтобы служить ее великолепию и помочь ему сделать правильный выбор.

«Какой-то ограниченный и унылый смысл», – отметила я про себя.

А Далива тем временем вдохновенно частила:

– И я сделаю все возможное, чтобы ари стала достойнейшая из достойнейших. А те, которые, по моему мнению, окажутся недостаточно хороши для Скальде, – и снова я удостоилась внимания приближенной к королевскому телу шлю… многоуважаемой эсселин, – долго в Ледяном Логе не загостятся.

Я совершала ошибку за ошибкой. Впору рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом. Вместо того, чтобы заручиться поддержкой этой выпендрежницы, опрометчиво брошенной фразой построила между нами стену.

Следовало вести себя, как вела бы Фьярра: быть кроткой и предупредительной. Вот только беда в том, что я не Фьярра. И хоть разумом понимала, что от моего поведения зависит наше с Лешей будущее, измениться за каких-то несколько дней не могла.

Меня тошнило от того, что приходилось пресмыкаться перед Блодейной. Вертеть хвостом перед тальденом. Еще и любовнице его в рот заглядывать? Нет уж, увольте. Я не хочу и не буду потворствовать их средневековым замашкам! А начнет ставить мне палки в колеса – пожалеет, что на свет родилась и связалась с землянкой.

Правда, я еще не представляла, как в случае чего буду устранять проблемы в лице ее сиятельства и ей подобных. Но внутренний страстный монолог помог воспрянуть духом и приободриться. В иные моменты, если захочу, я могу быть очень изобретательной.

– Надеюсь, мы друг друга поняли, эсселин. Приятного вам вечера, – бросила на прощание графиня с таким видом, словно объедки со стола швырнула крутившимся у ее ног болонкам.

После чего горделиво удалилась в сопровождении слуги.

Глава 7

– Думаете, она и правда на это способна? Избавиться от невесты, которая ей не понравится, – подала голос Майруэн.

Как уже успела заметить, девушка была тихоней и скромницей, по большей части предпочитала молчать. И, кажется, побаивалась Скальде. По крайней мере, всякий раз, когда в поле зрения Майруэн попадал наследник, вальяжно развалившийся в кресле с бокальчиком чего-то крепкого, алиана становилась белее мела и спешила отвести взгляд.

– Еще как, – досадливо поморщилась Керис. Девушка цепко оглядывала тронный зал, битком набитый придворными.

«Нет, она не змея, она – ястреб, высматривающий добычу, – вдруг подумалось мне. Взглянув на алиану в очередной раз – красавицу, преисполненную холодного высокомерия, я мечтательно добавила про себя: – Вот было бы здорово стравить их с Даливой!»

Что-то подсказывало: из Керис получится достойная фаворитке соперница.

– Пока мы здесь на птичьих правах. Да и в будущем графиня д'Ольжи может значительно усложнить жизнь императрице. То есть любой из нас, – тем временем, не догадываясь о моих, нашептываемых злым гением мыслях, вслух рассуждала княжна Серых пустошей. – Мало выйти замуж за наследника, нужно пробудить в нем чувства. Если не любовь, так хотя бы страсть. И тогда – прощай, златогривая мымра! Правда, говорят, этот тальден вообще не способен на сильные чувства. Из-за магии своего рода.

Стоящая рядом со мной Майлона горестно вздохнула. Полагаю, в своих дерзких мечтах алиана не только примеряла корону императрицы и купалась в лучах славы, но и принимала солнечные ванны, обласканная жаром любви Герхильда, этой ледышки.

Как и Керис, Майлона была брюнеткой. С тонкой талией, грудью черт знает какого размера и крутыми бедрами, на которых в виде лишних сантиметров оседали калории. Девушка не переставала жевать нугу и засахаренные фрукты. Старалась делать это украдкой, но, боюсь, ее чрезмерная любовь к сладкому не укрылась от пытливого взора месье Герхильда и эссель Тьюлин – той самой представительной дамы, что утром на площади толкала приветственную речь. Насколько я поняла, на плечах этой женщины лежали все оргмоменты, связанные с отбором невест. Наделенная широкими полномочиями, эссель Тьюлин вилась вокруг нас коршуном, следила за каждым нашим движением. Чаще хмурилась, реже – благосклонно улыбалась.

– Тем не менее ее сиятельству как-то удалось привязать к себе наследника, – заметила Ариэлла, присоединившись к нам, дегустировавшим вина из императорских погребов.

Вернее, это девушки их дегустировали, а я только подносила кубок к губам. Все ждала, когда Майлона, помимо сладкого увлекающаяся и горячительными напитками, дойдет до нужной кондиции, и я наконец смогу ее допросить. Так прямо в лоб и поинтересуюсь: что не так с этим драконом. Надо лишь набраться терпения. Подождать, когда девица окончательно захмелеет, и мы останемся с ней наедине.

К тому же при других алианах возвращаться к расспросам я не осмеливалась. Они и так считают меня чудачкой. Нечего давать лишний повод для обсуждений. Иначе потом алианы будут задаваться вопросом: а что не так с этой Фьяррой. А с ними и весь двор за компанию.

– Любой тальден, пока не обзаведется ари, нуждается в шлюхе, забирающей магию, – презрительно фыркнула Керис.

Эх, жаль графиня нас не слышит. Княжна была бы первой на «отчисление».

Разговор прервался, когда в ложу, что располагалась под самыми сводами этого каменного мешка – тронного зала, вернулись музыканты. Рассевшись на табуретах, принялись лениво перебирать струны. Придворные сразу приободрились. Дабы освободить место для оче-

редного хоровода, часть собравшихся ринулась к расставленным вдоль стен столам, ломившимся от изысканных блюд.

Первой на танец пригласили Керис. Она у нас была звездой вечера. Только бы вконец не зазвездилась – и без того самомнения хоть отбавляй. Сильный пол вокруг нее так и вился, слетались, будто пчелы на мед. Или мухи на кое-что другое.

Остальные алианы тоже были нарасхват. Следом за Снежной Королевой пошла танцевать Ариэлла. И Майруэн, застенчиво улыбнувшись темноволосому кавалеру, протянула ему свою нежную ручку.

Я уж было обрадовалась, что вот сейчас наступит момент истины. Но Майлона, не желая оставаться в тени, пока другие невесты напропалую флиртуют с магами разной степени важности, сама решила проявить инициативу, очевидно, рассудив: «Раз гора не идет к Магомету, то Магомет, так и быть, сам снизойдет до горы».

Ни одна из алиан не осталась без пары. Ну разве только я, по-прежнему, хоть убейте, не считавшая себя ни невестой, ни алианой. Я мужняя жена! Дипломированный экономист. И мне давно не восемнадцать, а целых двадцать четыре. И вообще, я не хочу здесь находиться!

Я осталась одна наедине со своими угрюмыми мыслями. Подбегал какой-то прыщавый юнец с приглашением походить с ним по залу, но с меня хватило и первых двух танцев. Ладно бы вальс. В детстве я занималась бальными танцами и могла всем показать мастер-класс. Но до вальса, увы, здесь еще не доэволюционировали. А ползать черепахой, держась за руку со всякими незнакомыми типами – увольте.

«И как же мне по-быстрому захомутать тебя, Герхильд?» – мысленно вернулась к насущной проблеме. Взгляд помимо воли снова устремился к наследнику, с отмороженным видом наблюдавшему за танцующими придворными.

Его великолепие не принимал участия во всеобщем веселье. Сидел на троне под винного цвета балдахином, время от времени подносил к губам инкрустированный самоцветами кубок и явно считал минуты до окончания вечеринки. По нему и не скажешь, что жаждет жениться.

Всякий раз, стоило мне взглянуть на его благородие, я начинала заводиться. Еще нескоро сумею забыть недавнюю унизительную сцену, за которую благодарить следовало мерзавца Герхильда.

Перед самым началом праздника распорядитель бала по очереди представлял алиан. Озвучивал имена невест и их титулы, и девушки одна за другой входили в зал. Стуча каблучками по натертому до блеска мрамору, в котором, словно золотые рыбки в пруду, отражались огоньки свечей, подходили к его великолепию. За каждой тянулся шлейф из любопытных взглядов и заинтересованных перешептываний. Возле трона невесты грациозно опускались в реверансах.

А я уже кланяться, если честно, задолбалась. И тем не менее послушно настраивалась на очередное проявление со своей стороны рабской покорности.

Когда прозвучало мое имя, под прицелом взглядов я вступила в зал. Нервно комкая юбку непослушными пальцами, направилась к трону приветствовать наследника.

Остальных девушек – своими глазами видела! – тальден встречал пусть и холодной, но все-таки улыбкой. Мне же всем видом давал понять, что был бы безмерно рад, если бы я куда-нибудь провалилась.

В горле застрял едкий комок, в который превратилось раздражение, отчего дышать получалось с переменным успехом. Я снова занервничала. Неужели Далива начала воплощать в жизнь свои угрозы? Так скоро? Или это мы еще от утренней встречи никак не отойдем?

Не люблю злопамятных мужиков.

Остановившись у самых ступеней трона, затянутых пурпурным шелком, я плавно, как учила Блодейна, согнула правое колено, расстелив по полу юбку. Заодно голову опустила, и взгляд потупила. В общем, как могла, тренировала в себе смирение.

Терпи, Аня, терпи. Плевать, что другие алианы поднимались сразу же, с благосклонного разрешения этого… драконьей матери сына. Плевать, что на тебя все пялятся и, не стесняясь, вовсю перешептываются. Я буквально физически ощущала сверлящие затылок взгляды и слышала, как то тут то там раздаются пока еще тихие смешки.

Пытка реверансом продолжалась. Видать, таким образом меня наказывали за утреннюю оплошность на сцене.

Минута, две… Шум нарастал, а вместе с ним и всеобщее веселье. У меня начали дрожать колени, и от напряжения на висках выступил пот. Пытаясь вернуть себе душевное равновесие, до боли закусила губу. Солоноватый привкус, появившийся на языке, немного отрезвил. По крайней мере, помог справиться с гневом.

Интересно, и долго будет испытывать на прочность мое терпение? Или мне придется демонстрировать свой ангельский нрав аж до Второго пришествия?

– Поднимитесь, – наконец лениво, будто делая мне одолжение, разрешил тальден, и я облегченно выдохнула.

Вскинула на изверга взгляд и почувствовала, как злость рвется наружу. Наверное, что-то такое отразилось и на лице. Тальден усмехнулся, а потом махнул рукой, мол, сгинь нечистая. Потеряв ко мне интерес, принялся что-то негромко обсуждать с замершим подле трона седовласым эрролом. Кажется, старейшиной.

Ничего не оставалось, кроме как, костеря мага и посылая его в самые дальние дали, из которых уже не возвращаются, присоединиться к другим алианам.

Вечер продолжался. После третьего танца слезливая мелодия, ненадолго стихнувшая, снова растеклась по залу тоскливыми звуками. Время от времени в нее вкраплялась некая живость, но закружиться в вихре танца под такой ритм при всем желании не получилось бы.

Но это, кажется, только я ворчу и привередничаю. Другим же, наоборот, все нравилось. Лица придворных и гостий его великолепия светились улыбками. Довольными и вполне искренними.

Несколько шагов, удар каблуков об пол, хлопок, и пары сходятся, чтобы сомкнуть ладони на короткое мгновенье. И снова резко отступают друг от друга. Кавалеры кланяются, а дамы демонстрируют при помощи реверансов грацию и изящество.

Наверное, потому я и невзлюбила эти танцы. Из-за постоянных дурацких расшаркиваний.

По телу пробежал холодок. Даже не поворачивая головы, я знала, чьего удостоилась внимания. Кажется, у меня выработался на взгляд тальдена определенный рефлекс – желание исчезнуть не только из этого замка, но и из этого мира.

Еще и эссель Тьюлин, как назло, находилась от меня в опасной близости, наставляла на путь истинный одну из конкурсанток. Русоволосую сероглазку по имени Хелет, щеки которой из нежно-розовых постепенно становились пунцовыми. Мне было слышно, как эссель выговаривает алиане, упрекая Хелет в том, что она весь вечер танцевала с одним и тем же кавалером.

«Форменное безобразие! И как только Хелет хватило наглости увлечься кем-то, кроме великолепного нашего!» – мысленно ерничала я.

Опасаясь, что после невесты номер один мадам Тьюлин возьмется за меня, и желая наконец перестать чувствовать себя под взглядом тальдена бабочкой, пришпиленной булавкой к картону, я поспешила выйти на ближайший балкон. К ним вели двери, перемежавшиеся с серыми, в золоте огней, пилястрами. Спрятанные под пестротканными гобеленами, двери эти были поначалу незаметны. Только когда в зале стало слишком душно от скопления народа, слуги откинули тяжелые полотна и приоткрыли створки.

Жар каминов смешался с ароматом морозной ночи.

Чернильно-синей, посеребренной сиянием звезд и полной бледной луной, щедро разливавшей холодный свет по окрестностям Ледяного Лога. Вдалеке, в легкой дымке тумана выри-

совывались очертания гор. И на темной глади Хрустального города в окнах домов сверкали золотистые огни, похожие на рой светлячков. Высокие неприступные стены кольцом окружали замок. Перед ними раскинулись императорские сады: припорошенные снегом дорожки и фонтаны, деревья в ледяном убранстве и редкие беседки из грубого камня, укрытые снежными шапками.

Вдоволь налюбовавшись сказочной панорамой, я с наслаждением вдохнула морозный воздух и поняла, что пора возвращаться, если не хочу уже завтра слечь с простудой. Не думаю, что с красным, распухшим от соплей носом и температурой под сорок я кого-нибудь очарую и соблазню. Быстренько вылечу из игры и из замка.

Повернула было обратно, но не успела сделать и шага в сторону зала, как замерла, зачарованная нереальной красоты зрелищем. Прямо на моих глазах цветы, до этого почти не различимые в темноте, спиралями оплетавшие колонны и высокую балюстраду, как будто ожили. Тугие темные бутоны, терявшиеся на фоне серой кладки, раскрывали лепестки. Они чем-то напомнили лилии – мои любимые цветы. Вот только земные лилии не светятся изнутри холодным голубоватым свечением. И лепестки их не кажутся ледяными.

Несмело протянула руку. Ой… Действительно ледяные. Вокруг длинных нитей-тычинок роились крошечные мерцающие огоньки.

Приникнув к колонне, глянула вниз и восторженно ахнула. Диковинными растениями был увит не только балкон, но и весь фасад замка. Красота-то какая! И как же хочется заиметь хотя бы один такой цветок!

Неспособная бороться с искушением (меня словно магнитом тянуло к волшебному цветку), опасливо оглянулась на двери. Никому до меня дела не было. С благоговейным трепетом дотронулась до гладких холодных лепестков и сжала пальцами хрупкий стебель.

– Впервые встречаю алиану, равнодушную к танцам.

Вздрогнула, услышав за спиной тихий, парализующий мысли и тело голос. Ему вторили тяжелые шаги, быстро сокращавшие расстояние между нами. И чего этому ящеру бесхвостому не сидится на своем троне?!

В страхе отдернула руку. Заставив себя обернуться, завела ее за спину. Взгляд уперся в широкую грудь тальдена, затянутую в черный камзол. Вся остальная одежда мага была того же цвета. Единственным ярким пятном, оживлявшим мрачный ансамбль, стало роскошное колье из золота и драгоценных камней.

Ресницы дрогнули. Я нехотя приподняла голову, чтобы встретиться не то с насмешливым, не то с полным злорадства взглядом холодных, точно ледяные осколки, глаз.

– И не перестаю задаваться вопросом: мне досталась невеста отчаянная или сумасшедшая? – Скальде выразительно покосился на что-то у меня за спиной и продолжил подозрительно вкрадчивым голосом, от которого мурашки промаршировали по спине: – Последний смельчак, отважившийся сорвать цветок Арделии, лишился обеих рук.

Упс…

Глава 8

– Чудо-цветочек постарался?

Опасливо покосилась на плотоядное растение, которое уже не казалось таким прекрасным.

– Отрубила стража, – просветил меня Герхильд.

– Хм… радикально.

Черт! Опять мелю, сама не знаю, что. В присутствии тальдена путались мысли. Несмотря на то, что кожу пощипывало от мороза, ладони предательски потели. Рядом с ним я будто становилась юной девушкой из средневековой глубинки, впервые в жизни удостоившейся внимания мужчины.

Блодейна предупреждала, что после помолвки алианы, хотят они того или нет, начинают испытывать влечение к выбравшему их тальдену. Я ей не поверила. Просто не понимала, как меня может тянуть к одному мужчине, если всем сердцем люблю другого.

Теперь же, оставшись с драконом наедине, была вынуждена признать правоту ведьмы. С одной стороны, хотелось сбежать от Скальде куда подальше. А лучше – его послать. За то, что унизил меня перед всей знатью. С другой – каждой клеточкой навязанного мне тела я ощущала возникшее между нами притяжение.

Хотя, скорее, притяжение было односторонним. Тальдены не были привязаны чарами ни к одной невесте. Всегда сохраняли рассудок холодным. А у некоторых – не будем показывать пальцем – он и вовсе был подмороженным.

Присутствие Герхильда будоражило, заставляло сердце учащенно биться, и в сознании подобно цветам Арделии оживали провокационные картины.

Я вдруг почувствовала себя предательницей и прелюбодейкой. Мерзкое ощущение.

В общем, если у кое-кого эмоции отсутствовали даже в зачаточном состоянии, то меня буквально от них распирало. Противоречивых, ярких.

Так и хотелось крикнуть самой себе: фу! Плохое тело! Я и раньше-то теплых чувств к своей новой (и, надеюсь, временной) оболочке не испытывала. А сейчас ее почти ненавидела. Ненавидела и чертову магию, привязавшую меня к этому Ледяному, и разбушевавшиеся Фьяррины гормоны.

– Вы замерзли, – на удивление мягко прозвучал голос мага.

А я уже и забыла о холоде… Продолжала дрожать, скорее, по инерции.

Стоило Герхильду до меня дотронуться, как дрожь усилилась. Даже через плотную ткань платья я ощущала жар, исходивший от его ледяных пальцев. Невозможное сочетание. И тем не менее, несмотря на холод, что источал Скальде, рядом с ним становилось жарко.

Кожу слегка закололо – серебристая вязь магического рисунка заструилась по телу. Еще одна реакция на близость тальдена, означавшая, что алиана откликается на его силу. Если бы узоров не было – не было бы и помолвки. Считалось, что чем ярче и четче на коже проявляются рисунки, тем острее алиана чувствует своего избранника и его магию. Тем больше у нее шансов стать ари.

Не знаю, как другие невесты при общении с наследником, а я сейчас сверкала, словно новогодняя елка, сплошь обвешанная серебристым дождиком. Кисти рук сияли. Лицо и грудь в глубоком вырезе платья, полагаю, тоже. Вон как его великолепие ею заинтересовался. Должно быть, какой-то из рисунков ему особенно понравился…

Накинув мне на плечи свой камзол и запахнув его посильнее, наверное, чтобы зря не искушаться, Ледяной отстранился. Волшебное мерцание на коже тут же померкло.

Не успела как следует удивиться столь неожиданному проявлению заботы, как тальден снова принялся препарировать меня жестким взглядом, казалось, способным не только про-

никнуть в самую душу, но и вывернуть ее наизнанку, дабы хорошенько покопаться в содержимом.

– Так зачем вам цветок Арделии?

– Просто очень понравился. Думала, если сорву один, никто не заметит.

После моих слов, произнесенных с самым искренним и невинным видом, черты лица мага немного смягчились. Исчезла глубокая складка, пересекавшая высокий лоб, и хищный прищур серых глаз сменился удивленным взглядом. На резко очерченных губах, которым ничего не стоило смять мои в жестком, жадном поцелуе (гремучая смесь – магия и гормоны), появилась тень улыбки.

– Такое ощущение, что вы впервые слышите об этом растении.

Я мысленно выругалась. Черт бы тебя побрал, Блодейна! Нельзя было рассказать мне про эти аленькие цветочки, сорвав которые, можно и жизни лишиться! Благодаря беспечности ведьмы я снова балансировала на краю пропасти. И неизвестно, сколько еще из-за своей неосведомленности буду попадать впросак.

– Нет, нет, конечно же, я о них читала и много слышала. Когда-то. Очень давно, – попыталась выкрутиться. – Просто немного подзабыла.

Тальден пренебрежительно усмехнулся. Наверное, решил, что у меня память куриная. И мозг тоже размером с птичий.

Но пусть уж лучше считает дурой набитой, чем догадается, что перед ним самозванка. Не факт, что станет разбираться, кто прав, а кто виноват. Не факт, что захочет понять, что я жертва чужого коварства. Если у них за кражу несчастного цветика руки отрубают, я даже представить боюсь, что сделают с посягнувшей на императорский трон иномирянкой.

– Но хоть что-то же должно было отложиться в памяти? – облокотившись на обледеневшие перила балкона, продолжил играть на моих нервах Скальде.

Музыкант хренов.

– Должно… было, – выцедила.

Гормоны присмирели. Осталось только одно желание – поскорее избавиться от общества тальдена и его нездорового любопытства. И чего, спрашивается, привязался со своей Арделией? Непонятно, то ли меня допрашивают, то ли просто от скуки развлекаются. Лучше бы, конечно, второе. Не очень приятно и бесит жутко, зато не чревато последствиями. Да и вообще… Даже обидно будет, если меня раскусят в первый же день пребывания во дворце.

– И? – покосился на меня нервотрепатель, не меняя расслабленной позы.

Я же словно босая стояла на раскаленных углях. Или шла по канату, перекинутому через пропасть. С завязанными глазами. На шпильках.

– Читала, что это очень редкие цветы, а потому бесценные, – ткнула пальцем в небо и замолчала, надеясь, что таким ответом его великолепие удовлетворится и наконец-то от меня отстанет.

Дракон кивнул:

– Они растут только в садах Ледяного Лога. По легенде, первый цветок распустился на могиле эсселин Арделии, которая должна была стать императрицей. Но, – горькая усмешка, – так ею и не стала. Несмотря на всю любовь к ней императора.

– Не прошла отбор? – стараясь заполнить возникнувшую после слов тальдена неуютную паузу, спросила я.

– Вроде того.

И снова тишина. Нет, это не общение – это издевательство над психикой. Возможно, будь я настоящей Фьяррой, чувствовала бы себя спокойнее и уверенней. Да, определенно, все дело в этом.

– О том, что каждый цветок, как в зеркале, способен показать его обладателю любого человека, неважно, какие расстояния их разделяют, вы тоже, полагаю, читали, но забыли?

Вздохнула обреченно. Интересно, меня допустят к первому испытанию, или я уже сейчас вылечу из замка со штампом «бракованная невеста»?

– Читала, – согласилась, тушуясь под откровенно насмешливым взглядом. Приказав себе не дрейфить, уже более твердо сказала: – И да, забыла.

«Память-то девичья», – добавила мысленно, а вслух справедливости ради заметила:

– Со всяким может случиться.

Тальден неопределенно хмыкнул, мол, не с ним – так точно.

– Потому-то никто, кроме членов императорской семьи, не имеет права их касаться. В иных руках цветы Арделии могут превратиться в опасное оружие.

Да уж, весьма полезная для шпиона штучка. А еще… бесценная возможность увидеть Лешу. Хотя бы на одну короткую минуту. Просто убедиться, что он в порядке. Жив, здоров и… счастлив. Пусть и не со мной.

Наверное, что-то такое отразилось в моем взгляде. Погруженная в мысли о муже, я даже не заметила, что Скальде пристально меня разглядывает. Со столь несвойственным ему выражением интереса всматривается в мое лицо.

– Вы по кому-то очень сильно скучаете.

Вот ведь какой проницательный.

– По папеньке? – прозвучало скорее как вопрос, нежели утверждение.

И снова на губах Ледяного промелькнула улыбка. Определенно, я разнообразила ему вечер.

Его великолепие явно собирался продолжить разговор об объекте моей ностальгии, когда из зала послышался громкий голос церемониймейстера. Оборвалась музыка, а с нею в тишине растворились и все остальные звуки.

– Его светлость, князь Игрэйт Теудур Хентебесир!

Мгновение, и будущий император поменялся в лице. Оно как будто закаменело, и выражение, маской скрывшее и блеск глаз, и улыбку, заставило меня вздрогнуть.

Тальден тут же позабыл о моем существовании. Сразу вернулся в зал.

Подождав несколько секунд, я последовала за ним. Замерла с краю у стены. Привстав на носочках, принялась вытягивать шею. Макушки придворных, высокие головные уборы дам закрывали обзор, мешая рассмотреть князя Темнодолья и его немногочисленную свиту. Пока что мне были видны только их спины в широких, отороченных мехом темных плащах.

Его великолепие уже успел занять место на троне и теперь принимал от гостей приветствия и поклоны. Подталкиваемая любопытством и осторожно подвигая придворных, я стала пробираться в сторону трона вдоль дверей, ведущих на балконы. Интересно же поглядеть на еще одного тальдена.

Впрочем, интерес быстро сошел на нет: в облике Игрэйта не было ничего примечательного. Невыразительные черты лица, невыразительные светло-голубые глаза… Он весь был каким-то бесцветным. А еще, кажется, нервничал, все ниже опускаясь в поклоне под хмурым, тяжелым взглядом будущего императора.

Лица спутников князя были совершенно одинаковыми: не выражали ничего. Машинально прошлась взглядом по одному, второму, третьему, и…

Остановите Землю – я сойду.

– Леша?

Ноги подкосились, и я почувствовала, как реальность стремительно исчезает.

* * *

Хлопнуться в аристократический обморок мне не дали. Почувствовала, как кто-то подхватил меня под руку и подтащил к стене. К которой я привалилась всем своим-чужим телом,

полной грудью вдохнула свежий прохладный воздух, просачивавшийся в приоткрытые балконные двери. Зажмурилась, а потом снова распахнула глаза. Разноцветные круги продолжали множиться, наслаиваясь друг на друга, отрезая меня от окружающего мира.

– Возьми вот, выпей, – раздался у самого уха знакомый голос.

Не дожидаясь, пока среагирую на ее слова, Ариэлла сама сжала мои пальцы вокруг витой ножки кубка, сама приподняла мне руки, и я ощутила прикосновение к губам черненого серебра.

К счастью, в кубке было не вино, а вода. Сделав несколько глотков и сразу почувствовав себя лучше, благодарно улыбнулась алиане. Ее лицо по-прежнему скрывалось за многоцветьем, мельтешащим у меня перед глазами.

Постепенно в зал вернулись звуки и краски, а цветные пятна начали расползаться и таять.

– Спасибо, – прошептала, облизнув вдруг ставшие сухими губы.

– Ты такая бледная, – с тревогой произнесла девушка. – Давай-ка лучше покажем тебя лекарю. Он, кажется, был где-то поблизости. Пойду его поищу.

Я мягко удержала алиану за руку.

– Не нужно. Все в порядке. Правда. Просто немного переволновалась.

Всегда считала, что терять сознание – прерогатива героинь любовных романов да кисейных барышень былых времен. И вот только что сама чуть не грохнулась в обморок.

Ариэлла понимающе хмыкнула:

– Это из-за Герхильда? Я с ним сегодня случайно в портретной галерее столкнулась. Он буквально пару слов сказал, прежде чем его окликнула эссель Тьюлин, а я уже готова была вешаться ему на шею. – Девушка скривилась, будто прожевала целый лимон. – Тагровы чары! Хорошо хоть привязка действует, только когда он рядом.

Хорошего в этом было мало, но лучше так, чем постоянное воздействие магии. Не хочу превращаться во влюбленного зомби, у которого при появлении тальдена будет начинаться обильное слюноотделение, а глаза принимать форму сердечек.

Значит, следует держаться от наследника подальше. Что, в принципе, невозможно. Я ведь участница чертового отбора и при всем желании не смогу избегать встреч с этим ходячим наркотиком.

Главное – не стать от него зависимой.

– Они что, совсем с ума посходили! – донеслось до меня тихое, но от того не менее возмущенное восклицание Ариэллы.

Я не вслушивалась в разговор сильных мира сего. Думала о связующих чарах и смотрела на Лешу. То есть не на Лешу, но… Это без сомнения был его двойник. Пусть и выглядел старше (на вид лет тридцати), и черты лица казались более резкими, даже немного грубоватыми, и левый висок пересекала тонкая нить шрама… Все равно в этом человеке было слишком много от моего мужа.

Блодейна говорила, чтобы и не думала искать Лешкиного двойника. А я и не искала…

Он сам меня нашел.

Пока я пожирала взглядом восьмидесятипроцентную (ладно, от Лешки в нем максимум процентов семьдесят) копию благоверного, атмосфера в зале стремительно накалялась.

Заметив, что я витаю где-то в облаках, Ариэлла дернула меня за руку.

– Кого это ты все высматриваешь? Слушай же! О нас ведь говорят.

Пришлось отрываться от средневекового аналога Леши и поворачиваться к их вельможествам.

– Наверное, мне никогда не понять твоего чувства юмора, Игрэйт, – откинувшись на высокую спинку трона, с усмешкой проговорил Герхильд.

У вас, ваша отмороженность, с юмором, как уже успела заметить, вообще все сложно.

– Я говорю вполне серьезно, – подбоченившись и задрав подбородок, заявил князь Темнодолья. – Я тоже нахожусь в поисках ари, и считаю, что устраивать два отбора по отдельности нецелесообразно.

– А я считаю, кузен, что ты забываешься. – Глаза дракона опасно сверкнули. Жутковатый взгляд. Хорошо, что обращен он был не на меня, а на вмиг притихшего гостя. – Можешь искать себе ари где угодно. Но только не в моем замке.

– Не думал, что ты настолько мелочен, Скальде! – не побоялся вякнуть новоприбывший дракон. Правда, тут же понял свою оплошность: побледнев, попятился от трона.

Его великолепие подался вперед и со своей любимой насмешливо-издевательской, интонацией поинтересовался:

– И как ты себе это представляешь? Девушки привязаны ко мне. Хочешь, чтобы они между нами обоими разрывались?

До меня наконец дошло, о чем спорят. Сразу стало понятно возмущение Ариэллы. Да и другие алианы восторга от предложения тальдена не испытывали. Переглядывались, недовольно поджимая губы, всем своим видом показывая, что в гробу они видели жалкое подобие нашего общего жениха.

А я была настолько шокирована всем происходящим, что просто выпала в осадок. Выплеснув воду прямо под стол, наполнила кубок вином и тут же его опустошила, меланхолично размышляя, что буду делать, если меня «привяжут» еще и к этому хмырю. Вот станет Блодейне сюрприз, если ее кровиночку отдадут за правителя кукольного королевства!

– Это всего лишь привязка, Скальде. К тому же временная, – снова осмелев, пожал плечами тальден.

Классический образчик средневекового мужчины. Сразу видно: женщина для него – существо второго сорта. Ее можно привязать чарами, потом, если чем-то не понравится, отвязать. А если уж совсем опостылеет, то и сослать куда подальше. Да и вообще, что тут такого – делить невест с родственником?

Шведская семья, ей-богу.

Волна недовольства прокатилась по всему залу. Придворным финт с двойным обручением тоже пришелся не по душе.

– Не в моих привычках показывать гостям на дверь. Ты, Игрэйт, волен оставаться здесь, сколько угодно. Можешь наблюдать за отбором, но принимать участия в нем не будешь, – поставил на место оборзевшего родственничка Скальде.

– Но… – заикнулся было вельможный паршивец.

Герхильд повысил голос:

– Если какая-нибудь из выбывших эсселин придется тебе по вкусу, можешь с ней обручиться. При условии согласия ее и ее родителей. Но не раньше.

К наследнику с поклоном приблизился один из старейшин.

– Ваше великолепие…

Будущий император остановил его взмахом руки и не терпящим возражений голосом отрубил:

– Я так решил!

После чего, поднявшись, направился к выходу из зала.

Зашуршали платья – это дамы стали опускаться в реверансах. Его светлости тоже ничего не оставалось, кроме как пропустить кузена и низко кланяться, прожигая спину Скальде полным злого бессилия взглядом.

– Лучше сними его, – шепнула мне на ухо Ариэлла.

– Что, прости?

Я встрепенулась. Проводила взглядом Лешкину копию, и только когда князь и его свита скрылись за дверями тронного зала, посмотрела на девушку.

– Керис тебя минут десять глазами пожирает. Нечего дразнить других невест. Если, конечно, не хочешь нажить себе врагов и проблем.

Куда уж мне новые проблемы? Тут бы с имеющимися разобраться.

Последовав совету девушки, стащила камзол, о котором напрочь забыла, и всучила его пробегавшему мимо слуге с просьбой вернуть пиджачок законному владельцу.

Сама же с гудящей головой и мутными мыслями, не чуя под собой ног и не испросив разрешения у эссель Тьюлин, отправилась в спальню. Переваривать все случившееся. Или хотя бы пытаться это сделать.

Глава 9

Скинув бархатные туфельки, Далива бесшумно пересекла комнату, чувствуя, как короткий жесткий ворс ковров колет нежные ступни. Девушка двигалась не спеша, плавно покачивая бедрами, на ходу расстегивая платье и приспуская его с плеч. Изящным движением руки распустила волосы. Шелковым водопадом они заструились по обнаженной спине, укрыли проглядывавшую сквозь тонкое кружево сорочки упругую, молочного цвета грудь.

– Ты чем-то расстроен?

Далива опустилась на колени перед тальденом, даже не шелохнувшимся при ее появлении.

Последние несколько минут Скальде занимался тем, что сидел на кровати, бездумно глядя куда-то перед собой, и собирался снять сорочку, уже распахнутую до пояса. Но вместо того чтобы раздеться и сосредоточиться на замершей в соблазнительной позе красавице, Ледяной, кажется, даже не заметил ее присутствия.

Далива обиженно закусила губу. Мягко приподнявшись, провела ладонями по мускулистым, твердым, точно высеченным из камня, ногам мага в плотно облегающих черных штанах, тонкими пальчиками пробежалась от колен к узким бедрам, стремясь добраться до шнуровки на поясе, дабы ускорить процесс раздевания.

– Расстроен? – хмыкнул маг, опуская на нее взгляд. – Да я из последних сил сдерживаюсь, чтобы не свернуть кузену шею. Тагры его побери!

Графиня недовольно поджала губы. Стоило ей коснуться обнаженной груди тальдена, как по гладкой холодной коже пробежала темная вязь магического узора.

Далива ненавидела этот цвет. Он означал, что Скальде в гневе или раздражен, пусть по отстраненному выражению лица это и не было заметно. Даже без всяких рисунков, при каждом ее прикосновении проявлявшихся на теле тальдена, Далива научилась угадывать его настроение. И вынуждена была признать, что в последнее время ей все сложнее становилось влиять на наследника. Отвлекать от мрачных мыслей, полностью отгоняя их хотя бы на время. А ведь раньше для этого не требовалось и малейших усилий с ее стороны.

Значит – сердце кольнули боль и обида – Скальде начал к ней остывать.

– Старейшины просят, чтобы Игрэйт тоже участвовал в отборе?

– Не просят, – с усмешкой ответил Герхильд. – Требуют. Видимо, уже заранее записали меня в покойники и решили присмотреться к князю.

Ослабив пояс, перехватывавший бедра мужчины, Далива стянула с него сапоги из мягкой дубленой кожи, после чего, перебравшись на кровать, устроилась за спиной у Скальде, чтобы уже вплотную заняться его сорочкой.

Графиня не только надеялась отвлечь его великолепие от размышлений о тагровом кузене, который уже испортил им вечер и, кажется, вот-вот испоганит ночь. Ее сиятельству не терпелось узнать, какие девушки заинтересовали тальдена.

– Что думаешь об алианах? Уже появились фаворитки? – спросила шутливо.

– Пока нет, – прозвучал лишенный эмоциональной окраски голос, и эсселин д'Ольжи разочарованно вздохнула.

Скальде мягко убрал тонкую холеную ручку, поглаживавшую ему плечо. Поднявшись, взял со столика чеканные кубки и наполнил оба вином. Один протянул Даливе, явно неудовлетворенной столь скупым ответом, другой залпом осушил сам.

– И все же? – не сдавалась девушка. Так как Скальде не хотел, чтобы его раздевали, пришлось заняться собой. Избавившись от платья, Далива нарочито медленно стала стягивать с изящных ножек тонкие шелковые чулки, с удовольствием отмечая, что на нее наконец начали реагировать. – Какие-то соображения у тебя уже должны появиться.

Тальден не ответил, более поглощенный содержимым кубка, нежели своей собеседницей.

Ее сиятельство любила Скальде и несомненно желала ему счастья, долгой жизни и процветания. Но и о себе, о своем будущем старалась не забывать. Все девять алиан откликались на силу будущего императора, а значит, любая из них могла стать его спасением. Его ари.

Но не всякая устраивала графиню.

Взять хотя бы старшую дочь князя Серых пустошей – Керис Мадауг. Одного взгляда на черноволосую пигалицу стало достаточно, чтобы понять: такая пойдет на любые ухищрения, лишь бы избавиться от соперницы. К досаде Даливы, Герхильду девушка понравилась. За минувший вечер он удостоил Керис не одним и не двумя взглядами. Пристально следил за алианой, когда та танцевала, и явно получал удовольствие от созерцания изысканной красавицы.

Эсселин Гленду графиня тоже занесла в список «опасных» невест. Чувствовался в рыжеволосой виконтессе стержень, твердость характера. Такая не допустит присутствия любовницы при дворе. Никакая супруга, конечно, не сможет запретить императору иметь официальную фаворитку, но что-то подсказывало Даливе, что Скальде не будет за нее бороться. Ледяным вообще не свойственно сражаться за любовь. А вот ее сиятельство так просто сдаваться не привыкла. Она еще поборется и за свое место под холодным солнцем Сумеречных земель, и за сердце тальдена!

Далива делала ставку на кареглазку по имени Рианнон. Ну или на Майруэн. Они несомненно заслуживали протекции ее сиятельства. Обе робкие, тихие, замкнутые. Ведомые. Майруэн, правда, побаивалась Скальде. Даже теперь, после привязки. Но ничего, со страхами этой мышки она уж как-нибудь разберется. Для себя графиня решила, что во время испытаний будет всячески помогать обеим алианам.

А вот на дурочку Майлону даже не станет тратить время. Пусть девчонка и не казалась проблемной, но, увы, совершенно не пришлась по вкусу Герхильду. Да и эссель Тьюлин была от нее не в восторге. А значит, надолго в Ледяном Логе Майлона не задержится. Как и та нахальная девчонка. Эта соплячка! Фьярра, кажется.

На какое-то мгновение выпав из образа искусительницы, ее сиятельство пренебрежительно скривилась. Манеры у девчонки отвратительные. Никакого почтения. Ни к ней, фаворитке его великолепия, ни даже к наследнику. Скальде не любит дерзких. Уж он-то точно не станет терпеть выходки этой девки, быстро поставит выскочку на место. А графиня, если потребуется, с удовольствием тому поспособствует.

К остальным же алианам еще следовало присмотреться.

Опрокинув в себя очередной кубок, в надежде, что хмель поможет притушить злость, Скальде приблизился к широкому ложу. На нем, окутанная шелком простыней, лежала совершенной красоты девушка. Далива хорошо знала желания своего господина и как никто другой умела дарить удовольствие.

Тальден усмехнулся, вдруг подумав, на что окажется способна его будущая женушка. Будет ли он по-прежнему нуждаться в своей искусной любовнице? Мавена его особенно не впечатлила. Хотя что у них было? Всего лишь одна брачная ночь.

– Иди ко мне, – севшим от желания голосом прошептал дракон и потянул Даливу за руку, привлекая к себе нагую красавицу.

На мгновение, перед тем как он завладел ее губами, перед внутренним взором Скальде мелькнула дрожащая от холода девушка в платье шафранного цвета. Струящийся по фигурке шелк подчеркивал каждый плавный изгиб хрупкого тела, окутанного серебристым сиянием. Фьярра острее всех откликалась на его магию.

Тальден тут же прогнал неожиданно возникший в сознании образ, твердо решив, что уж этой чудачке его женой точно не стать. Благо ему есть из кого выбирать.

* * *

Шаг. За ним другой. Тяжелая поступь раздается в тишине спальни, вытряхивая меня из забытья. Я не вижу его, но знаю, что он здесь, рядом. Смотрит на меня, обнажая взглядом. Сердце ускоряет ритм, и в унисон с ним звучит властный, полный ледяного спокойствия голос. Он не просит, не предлагает.

Приказывает.

– Подойди.

Сминает волю и разжигает внутри запретные, неподвластные контролю разума желания. Покорная этому голосу, я откидываю одеяло.

– Разденься.

Очередная команда, как будто я и не человек вовсе, а что-то вроде дрессированной собачонки.

Но вместо того чтобы возмутиться, послать нахала туда, куда уже не раз посылала, я готова исполнить любое его желание. Дрожь, вызванная не то страхом, не то предвкушением, волной пробегает по телу.

Я приподнимаюсь на постели. Робкое движение непослушных пальцев, и тонкий шелк скользит по коже, покрывающейся мурашками. Молочной пеной стекает с плеч, обнажая грудь, кружевным облаком оседает у моих бедер.

– Скорее, – торопит, приближаясь.

Тьма отступает, больше не скрадывая лицо и крепкую фигуру Ледяного. Тальден протягивает мне руку, замирая у изножья кровати. Пламя в каминах медленно угасает, тусклыми бликами ложится на лицо Скальде. Я тону в его глазах и чувствую, как одновременно и замерзаю, и воспламеняюсь под этим взглядом. Пристальным, жадным, опасным.

Я слышу его запах. Запах морозной ночи. Непроглядной и темной, как та, что плещется за окном. Не в силах бороться с искушением, оказываюсь с ним рядом. Сорочка светлой лужицей растекается по смятой простыне, а я, приподнявшись на коленях, падаю, растворяюсь в его объятиях.

Беспомощная, нагая и совершенно перед ним беззащитная, отдаюсь во власть сильных рук, горячих губ и того пламени, что он во мне разжигает. Каждой лаской, каждым малейшим прикосновением. В них нет нежности, одно нетерпение. Жажда. Всепоглощающее желание. Обладать мною здесь и сейчас. Сильно, до боли, он вжимает меня в себя, соприкасаясь со мною бедрами.

Запрокинув голову, я позволяю себя целовать. Скользить губами по изгибу шеи, очерчивать ладонями контуры моего тела. Невыносимо кружится голова. Мысли – вязкое месиво. Лишь одна болезненно точит разум – ощущение чьего-то присутствия.

Вынырнув из сладостного забытья, в которое меня погружают поцелуи Герхильда, нахожу взглядом укрывшегося в глубине комнаты чужака. На миг мелькнувшая среди туч луна выхватывает из темноты свидетеля моего безумства. Мне видится укор во взгляде, выражение презрения на таком знакомом и родном лице. Белая линия шрама, рассекающая висок. Мысли путаются. Сложно понять, кто это – мой Леша или незнакомец, повстречавшийся мне на балу.

И тем не менее его присутствие отрезвляет. Меня как будто бросают в ледяную прорубь. Возбуждение, схлынув, превращается в отвращение. Отвращение к самой себе.

Пытаюсь оттолкнуть Скальде, вырваться из плена рук, но его великолепие слишком поглощен моим телом, чтобы услышать мольбы моей души. Глухо зарычав, точно раздраженный хищник, он опрокидывает меня навзничь, вжимает в кровать. Зову на помощь, захлебываясь собственным криком, мечусь под ним, тщетно пытаясь вырвать ноющие запястья из оков твердых пальцев и…

Понимаю, что пора просыпаться.

Подскочив на постели, выдохнула, с облегчением осознав, что это не безумная явь, а всего лишь безумный сон.

Вот ведь подстава! Только эротических видений и угрызений совести мне сейчас не хватало! Какая же все-таки… дерьмовая ситуация.

Перевернувшись на живот, накрыла голову подушкой, от души желая самой себе под ней задохнуться. Ну ты, Аня, даешь. И двух недель не прошло со дня свадьбы, а тебя уже посещают эротические фантазии, где твой законный муж (ну или его подобие) лишь сторонний наблюдатель. А главную роль исполняет драконье-мать-его-великолепие.

Интересно, все алианы ночами просматривают сны с цензом «восемнадцать плюс»? Наверное, да. Это ведь магия. Привязка тагрова! Как же я ненавижу этот мир! И себя с такими темпами скоро возненавижу. И тальдена, и чертову ведьму. Хотя какое там скоро! Блодейну я возненавидела с момента нашей первой встречи.

Не успела подумать о пучеглазой ведьме, как та материализовалась перед кроватью. Полупрозрачной дымкой просочилась сквозь балдахин, струящийся складками, и уселась со мною рядом. Это что-то новенькое! Блодейна – призрак. Кошмар в кошмаре – что еще скажешь.

Наверное, подсознательно я желала этой бабе-яге смерти, но понимала, что даже после оной она от меня не отстанет. Будет продолжать преследовать во сне и наяву в качестве такого вот назойливого привидения.

Ущипнула себя, надеясь проснуться. Не помогло.

– Нам надо поговорить о завтрашнем испытании, – с места в карьер начала моя как бы наставница, даже не удосужившись поздороваться и извиниться за полуночное вторжение. А потом еще и раздраженно крикнула: – Сейчас же прекрати себя щипать! Еще не хватало, чтобы синяки остались!

– Боишься, попорчу твою драгоценную Фьяррочку? – разозлилась я и хорошенько так, от души ущипнула себя за запястье.

Ай, больно!

– Только попробуй, – осклабилась негодяйка. – Сразу домой отправишься. Соскребать с земли мужнины останки. Я тут подумала и решила, что в случае чего проще всего будет устроить… Как это у вас называется? Дорожное происшествие. А еще у вас есть метро…

Какая же все-таки мразь! Уже продумывает способы убийства моего мужа. Пока я тут… я… бессовестно изменяю ему во снах.

Безнадежный случай.

– Не отправишь, я тебе здесь нужна, – буркнула.

– Не перестанешь показывать норов – станешь не нужна, – отрезала мегера. После чего, обдав меня холодом не хуже Герхильда, деловито продолжила: – В общем, о чем это я? Ах да, испытание. Слушай меня внимательно.

И я слушала. Слушала, все больше офигевая. Нет, в том, что алианам придется доказывать свою невинность, ничего удивительного не было. Темные времена и дикие нравы требовали определенных жертв со стороны девушек. К тому же только непорочная дева способна в брачную ночь принять силу тальдена.

Меня смутило другое – сам процесс доказывания.

– То есть, чтобы понять, девственницы мы или нет, нас всех отправят черт-те куда…

– На Лазоревое озеро, – поправила Блодейна.

– Где разденут до нижнего белья…

– До сорочек.

Вот ведь дотошная.

– Посадят в лодки – и адью! Плывите, девочки, замерзайте.

Я понимала, что ничего не понимаю. Думала, нас поведут к какому-нибудь придворному магу-целителю. Лекарю там или, на худой конец, к травнице. Или кто тут у них за гинеколога.

– В Лазоревом озере обитает Хадаааантис, – теряя остатки самообладания, проскрипело зубами фальшивое привидение.

Небось привыкла, что Фьярра у нее как шелковая. В рот заглядывала и никогда не перечила. А тут я нарисовалась.

– Маловато что-то «а»…

– Немедленно прекрати! – взвилась полупрозрачная гостья. – У нас не так много времени! Скоро за тобой придут.

Дабы препроводить в последний путь.

– Ладно. – Я взбила подушки и устроилась поудобнее, приготовившись к дальнейшему инструктажу. – Этот «хада-а-а» – он вообще кто? Или… что?

– Древний змей, впитавший всю мудрость нашего мира. Его невозможно обмануть. Почти невозможно.

Хорошо хоть не человек-паук.

– Ужик? – спросила с надеждой и показала примерный размер гада плавучего, встречу с которым согласна будет выдержать моя и без того уже порядком подпорченная психика. Сантиметров двадцать. Максимум – тридцать.

Блодейна покачала головой.

– Насколько большой? – сглотнула.

– Поменьше дракона будет, – типа успокоила меня ведьма и спешно продолжила: – Тело моей девочки чисто, Фьярры никогда не касался ни один мужчина. За это можешь не переживать. Но вот твое сознание… – закончила многозначительно.

Может, лучше сразу признаться его великолепию, что я не невинная девственница? Представила выражение лица тальдена, его возможную реакцию на мои откровения и решила, что нет, лучше все-таки встреча со змеем.

– А этот ваш Хадаааантис, он только мудростью питается? Никаких других гастрономических пристрастий не имеет?

Разыгравшееся воображение уже вовсю рисовало гигантскую анаконду, раззявившую надо мной пасть. Божечки, как же не хочется умирать!

– Он не тронет тебя, если сделаешь все, как скажу, – оставаясь верной себе, увильнула от прямого ответа Блодейна.

– Но вдруг что-то пойдет не так?

– А ты постарайся, чтобы все пошло так!

Да уж, конструктивное у нас вышло общение.

Помимо того, что меня беспокоили возможные последствия вояжа по Лазоревому озеру, не давало покоя еще кое-что.

– Нескромный вопрос: а как он будет нас проверять?

Хмыкнула. Змей-акушерка. Я думала, в этом мире меня уже ничем не удивить. Но, как оказалось, Адальфива, как заветная коробочка, полна сюрпризов. Все чаще здесь я ощущала себя Алисой, попавшей в Страну Чудес и объевшейся галлюциногенных печенек. Или то у нее пирожки волшебные были…

– Девушка, вступившая с мужчиной в добрачную связь, оказывается осквернённой, пятнает душу и тело. Хадаааантис замечает каждое такое пятно. От него невозможно скрыть грех прелюбодеяния.

– Будем надеяться, что Фьярра действительно чиста. Как бутылочное стекло, – проворчала я.

Одутловатое лицо ведьминого духа пошло пятнами.

– На что это ты намекаешь?

– Ни на что. Продолжайте. Вы что-то говорили про несовершенство моего сознания.

Объяснив, как можно обвести вокруг пальца даже древнего змея, и выдав уже не знаю какую по счету страстную тираду о том, как надлежит алиане вести себя с его великолепием, Блодейна растаяла в воздухе. А я еще долго лежала, не смыкая глаз, снова и снова прокручивая в голове дурацкий сон. Думала о мужчине в свите князя Темнодолья, так похожем на Лешу, и об обитателе Лазоревого озера, с которым в скором времени должна буду познакомиться.

Глава 10

Когда забрезжил рассвет, явилась Мабли, чтобы подготовить меня к ритуальному испытанию. Сначала отправились в купальню, где девушка усердно растирала меня жесткими мочалками. Пока кожа не стала красной, а я не потеряла терпение.

– Решила меня освежевать? Все, достаточно. От того, что ты елозишь губкой по моему телу, душа чище не станет.

– Мне так боязно за вас, – в голосе девушки звучало искреннее волнение.

– Мне тоже за себя боязно, – призналась со вздохом, заворачиваясь в мягкое теплое полотенце. – Ты когда-нибудь его видела?

Мабли покачала головой.

– Только легенды разные слышала. – Девушка прижала руки к груди и с патетичным надрывом воскликнула: – А если Хадааантис что-нибудь почувствует?! Вас же прогонят с позором!

Ну если только прогонят – это еще полбеды. Главное, чтобы не сожрал и не задушил в объятиях. А прилюдное унижение я уж как-нибудь переживу. Вот только в глаза Скальде, наверное, больше смотреть не смогу…

Я тут же разозлилась. На саму себя. Какое мне вообще дело до его глаз! До того, кто и что обо мне подумает! Тем более его замороженное вельможество. Детей мне с ним точно не крестить. И вообще, никакая я не прелюбодейка. В моей жизни был всего один мужчина. Мой муж.

Мабли помогла мне одеться. Длинную, до пят, сорочку из льна скрыло зеленое полотняное платье простого покроя с чуть расклешенными рукавами и такой же юбкой. Волосы тугим пучком увенчали затылок, от украшений и вовсе пришлось воздержаться. Служанка сказала, что все равно на озере их велят снять.

Обувшись и набросив на плечи бархатную накидку с капюшоном, подбитую рыжим мехом, я в последний раз взглянула на себя в зеркало. Увидела отражавшуюся в нем бледную юную девушку, на глаза которой, как туча на ясное небо, набежала тень страха.

Мысленно пожелав себе удачи, покинула спальню, чтобы присоединиться к другим алианам.

* * *

Сначала мои нервы испытывала на прочность Блодейна, потом эстафету переняла эссель Тьюлин. Строила нас и в прямом, и в переносном смысле. Словно командир на плацу, вышагивала по внутреннему двору, очерченному портиком, колонны которого увивали все те же цветы-убийцы, наутро собравшиеся в бутоны.

– Ваше сознание во время ритуала должно быть открытым, – сочным, как у оперной дивы, голосом вещала главнокомандующая, полами плаща сметая с камня снежную пыль.

Если я открою Хадааантису свое сознание, он точно обогатится новыми знаниями. В первую очередь – словечками нецензурными, которые в последнее время упорно вертелись у меня на языке.

Одно из них едва не выскочило, когда из замка показалось его хмурое великолепие, минувшей ночью исполнившее главную роль в моем эксклюзивном фильме ужасов. Только бы этот хоррор не превратился в долгоиграющий сериал и не растянулся на бессчетное количество эпизодов! Этакую «Санта-Барбару» для взрослых.

Вовремя проглотив нецензурщину, что при виде Герхильда так и просилась наружу, поджала губы и, как и подобает воспитанной алиане, робко потупила взгляд. Опускаясь в реверансе, убеждала себя, что нет ничего интересного в этом обломке обледеневшей скалы.

Подумаешь, плащик стального цвета с оторочкой из темного меха и серебряная перевязь через плечо ему чертовски идут. Вон князь Темнодолья, плетущийся за своим кузеном, тоже прихорошился: смоляные волосы прилизал, у брадобрея явно отметился. Весь такой из себя: напомаженный, чистенький, гладенький, одет с иголочки. Ан нет, не тянет его рассматривать.

А в сторону Герхильда глаза так и сворачивают. Я с этой привязкой скоро или окосею, или свихнусь. Вероятно, и то, и другое. А возможно, еще и третье. Если меня змей сегодня не сожрет, то это за него в скором времени сделает чувство вины.

Тальден поприветствовал эссель Тьюлин и нас, своих невест, мельком оглядев каждую. Даже по мне, замершей в конце шеренги, мазнул взглядом, хотя чувство было такое, словно поскреб наждачкой.

Интересно, чего такой мрачный? Не выспался, поди. Я вот тоже не выспалась. Не потому что пришлось подниматься с первыми петухами, хотя и те, когда в комнату прошмыгнула Мабли, еще досыпали в своих курятниках. Благодарить за бессонницу следовало Блодейну, Герхильда и мистера инкогнито, поджидавшего своего князя у карет, запряженных фальвами.

Тихонько застонала. Только головокружительного полета для полного счастья мне не хватало.

Эссель Тьюлин быстро распихала нас по экипажам. Я оказалась в одном с Ариэллой, Глендой и Майруэн. На последней лица не было. Вернее, было, конечно, но сейчас оно больше походило на гипсовую маску, на фоне которой еще ярче смотрелись порозовевшие губы – Майруэн их все искусала.

Рыжеволосая виконтесса казалась невозмутимой, сидела прямо, точно гигантский гвоздь проглотила, с царственным видом взирая в окно. Эсселин Талврин выглядела немного задумчивой, но беспокойства тоже не проявляла.

Поэтому мы с блондиночкой продолжили умирать от страха на пару. Не скажу точно, чего боялась Майруэн, но меня в данный момент напрягало то, что внизу не виднелось ни пяди земли. Даже горы поглотило вязкое марево облаков.

– Ну чего это вы? – наконец вытряхнула себя из задумчивости Ариэлла. Посмотрела сначала на свою белую как снег визави, а потом на, вероятно, уже зеленую меня, сидящую с нею рядом.

К чувству страха прибавилась тошнота. Вроде и не трясло совсем, но стоило лишь заглянуть в щелочку между шторками, как на меня накатывала дурнота. Вестибулярка была в шоке от заоблачного полета.

– Боитесь его премудрости?

Да что у них тут за титулы! Полагаю, это она о змее.

– Страшновато немного, – послышался тихий голосок Майруэн.

Гленда хмыкнула:

– Ерунда! Это не испытание даже, а так, формальность. Всего лишь дань традициям.

Я бы на месте Герхильда некоторые традиции уже давно упразднила бы.

– Мы все чисты, а потому бояться нечего. Опомниться не успеете, как уже будем лететь обратно, – поддержала огненную красавицу Ариэлла.

Но белокурую, кажется, ее слова не успокоили. И меня, впрочем, тоже. У кое-кого – не буду тыкать в себя пальцем – рыльце, как говорится, в пушку. Ну не было в моих жизненных планах блюсти себя для Герхильда!

Оставалось надеяться, что хитрость Блодейны сработает.

Стук фальвовых копыт, дробивших промерзшую землю, неожиданно придал мне уверенности. Наше путешествие к Лазоревому озеру подходило к концу. На земле мне однозначно

было спокойнее. Отдернув штору, с интересом выглянула в окно. Вереница экипажей, возглавляемая императорской каретой с эмблемой дракона, неслась по проселочной дороге, разрезая промозглый утренний воздух. Сквозь молочную мглу и деревья, растопырившие во все стороны темные кривые ветви, проглядывала светлая гладь озера. Тусклые косые лучи восходящего солнца струились с небес, растекаясь по толще льда, в которую было облечено жилище древнего змея.

Идеальное место для катка. Жаль, я сюда прилетела не фигурным катанием заниматься, а обвести вокруг пальца доисторического червя.

Как ни хотелось задержаться в карете, тепло в которой поддерживалось при помощи все той же магии, и поприсутствовать на заплыве невест в качестве зрителя и комментатора, пришлось покидать насиженное местечко.

Скальде, Игрэйт, лже-Леша и еще несколько незнакомцев стояли у сероватой кромки озера и о чем-то негромко переговаривались, глубокомысленно глядя в туманную даль. Чуть в стороне на берегу темнели лодки, вытянутой формой напоминавшие гондолы. Как сказала эссель Тьюлин, их доставили сюда заранее, чтобы ничто не задерживало начало ритуала.

И все равно в сердце слабо тлела надежда, что его великолепие передумает проводить испытание. Змей наверняка впал в зимнюю спячку и банально не захочет выныривать на поверхность, чтобы с нами пообщаться. А мы не сможем поплыть.

Разве что нас пешими к нему отправят…

– Отойдите! – обернувшись, велел наследник, и алианы дружно схлынули к каретам.

Мужчины тоже поспешили расступиться. На берегу остался только один молодец, по виду – ровесник Герхильда. Лет тридцати, от силы тридцати пяти. Такой же бугай в дорогом плаще.

«Маг», – поняла я, когда незнакомец простер к озеру руки. А в следующую секунду, после его сотрясшего пространство грозного крика, по тускло поблескивавшей ледяной глади прокатилась мощная огненная волна. За ней другая и третья, пока в небо не взвился удушливый пар. Лед затрещал, распадаясь на сколы. Лицо обдало жаром. Стало душно, захотелось стащить накидку, платье, а за ним и сорочку, прильнувшую к вмиг покрывшемуся испариной телу.

До этого ледяной, а теперь обжигающий воздух напитывался влагой. В этой сауне у меня закружилась голова – не то от резкого перепада температуры, не то от волнения. Я вдруг поняла: ритуал состоится, что называется, при любой погоде, и повернуть назад, исчезнуть, сбежать не получится.

– Можете раздеться.

Оранжевые костерки, плясавшие над льдинами и постепенно гаснущие, отражались в серых холодных глазах Герхильда. Делали их ярче, но отнюдь не теплее.

Потянула завязки платья и поймала взгляд тальдена, пробежавшийся по мне, а может, по стоявшей рядом Керис. Вздрогнула, вспомнив властный, жесткий приказ Скальде обнажиться, отданный мне во сне. Почувствовала, как дрожь сокрушительным цунами накрывает тело.

Пока мужчины дружно выталкивали лодки на воду, а его бездельничество чесал языком с эссель Тьюлин, алианы, дрожа от холода, покорно стаскивали с себя наряды. Помогали с раздеванием служанки, явившиеся на Лазоревое озеро вместе с нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.